

Министерство образования Республики Беларусь

Учреждение образования
«Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины»

О. А. МАКУШНИКОВ

Тексты лекций

**СОВРЕМЕННАЯ АРХЕОЛОГИЯ
ГОРОДСКИХ И СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ ДРЕВНЕЙ РУСИ
IX–XIII ВВ.**

Рекомендовано
для студентов, обучающихся по специальности
«История (по направлениям)»

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

Содержание

Введение	
Лекция 1. История изучения памятников Руси IX–XIII вв.	
Лекция 2. Изучение памятников IX–XIII вв. в Беларуси	
Лекция 3. Археология сельских поселений	
Лекция 4. Погребальные памятники сельского населения.....	
Лекция 5. Крестьянские могильники эпохи Руси на землях Беларуси ...	
Лекция 6. Города Руси: общая археологическая характеристика	
Лекция 7. Археология Киева и Новгорода Великого	
Лекция 8. Археология Полоцка, Турова, Минска, Бреста	
Лекция 9. Археология средневекового Гомеля	
Лекция 10. «Открытые торгово-ремесленные поселения» Руси	
Лекция 11. Моховский археологический комплекс на юго-востоке Беларуси	
Лекция 12. Замки: владельческие поселения и крепости по историко-археологическим данным	
Литература	
Приложения	

Введение

Важность историко-археологического исследования древностей сельских, протогородских и городских поселений в восточноевропейском регионе очевидна. Она заключается в том, что современная археология, являясь составной частью исторической науки, позволяет собственными методами реконструировать основные этапы становления и развития средневекового общества, в том числе, восточнославянского.

Известия письменных источников о поселенческих структурах Руси IX–XIII вв. столь ценны, столь и ограничены. Археологическая наука существенно дополняет, расширяет и корректирует представления о средневековых городах, замках, селищах и иных видах поселений Руси, полученные традиционными методами исторической науки.

Археология восточноевропейского города и села неразрывно связана с историей восточных славян и их ближайших соседей (балтских, финно-угорских, тюркских, германских, романских, иранских народностей), общей археологией, нумизматикой, сфрагистикой, эпиграфикой, физической палеоантропологией, историческим краеведением и пр. Она традиционно основывается на изучении преимущественно ископаемых материальных (вещественных, археологических) источников (мест самих поселений, сопутствующих им кладбищ, построек жилого, хозяйственного, производственного, военно-оборонительного, культового и иного назначения, а также разнообразных артефактов, воплощенных в камне, дереве, кости, металлах, глине, стекле и других материалах).

За последние десятилетия археологам удалось многократно увеличить объем источников, получаемых путем проведения масштабных полевых исследований на территории европейской части России, в Беларуси и Украине. Современная археологическая наука вооружена передовыми методами исследования, позволяющими ученым делать все новые и новые открытия. Авторами многих из них выступают белорусские ученые.

Лекционная часть настоящего спецкурса начинается с изложения истории изучения восточноевропейских города и села в XVIII – начале XXI вв., характеристики основных археологических источников и раскрытия их возможностей в исторических реконструкциях. Важное место занимает изучение истории исследования городов и прочих разновидностей поселений эпохи Руси на территории Беларуси. Отдельные лекции посвящены археологии сельских поселений, открытых торгово-ремесленных поселений, феодальных замков-крепостей.

В рамках спецкурса исследуется проблема определения понятия «древнерусский город» (город Руси), выясняются отличия городских организмов эпохи средневековья от прочих типов поселений, анализируются особенности происхождения восточноевропейских городов

(модель градообразования на Руси), изучаются исторические связи славянских «племенных градов» и других типов поселений с раннефеодальными городами, раскрываются основные функции средневекового города.

Нам необходимо рассмотреть блок вопросов, связанных с характером сельского расселения и его региональными особенностями, топографией, планировкой, застройкой, военно-оборонительным зодчеством городов, проблемами развития городской и сельской экономики, ознакомиться со специфическими чертами материальной и духовной культуры.

Отдельные темы спецкурса посвящены изучению наиболее важных с историко-археологической точки зрения городов Руси IX–XIII вв. На первое место поставлено исследование древностей Киева («матери городам руським») и Новгорода Великого, которые сыграли, согласно летописным и археологическим источникам, определяющую роль в становлении государственности на Руси.

Наше внимание обращается на изучение древнейших «летописных» городов на землях Беларуси – Полоцка, Турова, Минска, Бреста. К сожалению, объем спецкурса не позволяет в должной мере осветить археологические открытия, сделанные во многих других средневековых городах нашей страны.

Полоцк и Туров относятся к тем городам восточных славян, которые упомянуты на первых страницах летописи наряду с Киевом, Новгородом Великим, Ладогой, Изборском, Муромом, Белоозером, Псковом, Смоленском, Черниговом, Любечем и др. Еще до вхождения в состав Руси Полоцк и Туров были центрами «племенной» государственности (соответственно – кривичей-полочан и дреговичей), а в ходе дальнейшего политического и социально-экономического развития оформились в столицы значительных раннефеодальных княжеств.

Возникший на порубежье кривичей и дреговичей Минск оказался в самом центре будущих белорусских земель. Здесь сделаны блестящие историко-археологические открытия и, вместе с ними, поставлены важные научные проблемы, связанные с изучением модели происхождения восточнославянского города (например, вопрос: «Минск на р. Менке и (или) Минск на р. Свислочи?»). Следует отметить, что земли Беларуси в рассматриваемый нами период были покрыты густой сетью как сельских, так и городских поселений.

В перечне городов Руси, заслуживающих особого внимания, Гомель оказался не только потому, что мы живем в этом «летописном» и даже «долетописном» (по своим истокам) городе, и не только потому, что большинство студентов, которым адресовано настоящее пособие, – гомельчане. Кропотливая многолетняя работа Гомельской археологической экспедиции (организованной в разные годы Гомельским

областным краеведческим музеем, Областным археологическим центром, Областной организацией Белорусского добровольного общества охраны памятников истории и культуры, Государственной историко-культурной экспедицией, Гомельским государственным университетом им. Ф. Скорины) полностью опровергла скептические представления о том, что памятники раннего Гомеля якобы бесперспективны для историко-археологического исследования. В последние десятилетия в Гомеле сделаны важные историко-археологические открытия, решительно изменившие представления о его ранней истории и взгляды на развитие населенных пунктов подобного исторического значения.

Учебное пособие по специальному курсу «Археология поселений Руси IX–XIII вв.» для студентов специальности 1-21 03 01 «История (по направлениям)» разработано в соответствии с учебным планом, образовательным стандартом Республики Беларусь «Высшее образование. Первая ступень. Специальность 1-21 03 01 – «История (по направлениям)», утвержденным Министерством образования 30.08.2013 г. Предусматривается реализация компетентностного подхода к подготовке специалистов с учетом современной концепции организации и методического обеспечения деятельности студентов.

Основные задачи курса лекций по археологии городских и сельских поселений Руси научить студентов:

- использовать материал археологических исследований при изучении проблемы возникновения и ранних этапов развития государственности восточных славян и их соседей;
- ориентироваться в историко-археологических характеристиках поселенческих структур IX–XIII вв.;
- пользоваться понятийным аппаратом и терминологией археологии раннесредневекового периода;
- анализировать и обобщать историко-археологический материал;
- оценивать степень значимости открытий современной археологии раннесредневекового периода.

Каждая лекционная тема, представленная в издании, сопровождается списком рекомендуемой обобщающей и специальной литературы, а также вопросами для самоконтроля студентов. Прилагаемые к работе иллюстративные приложения призваны облегчить понимание и усвоение теоретического материала.

Лекция 1.

История изучения памятников Руси IX–XIII вв.

- 1.1. Отечественные письменные источники.
- 1.2. Письменные источники иностранного происхождения.
- 1.3. Исследование памятников Руси в трудах историков и археологов XVIII – начала XX в.
- 1.4. Историко-археологическое изучение памятников Руси в советский и постсоветский периоды.

Рекомендуемая литература

1. Антология советской археологии. – Т. 1. 1917–1933. – М.: ИА РАН. 1995. – 170 с.
2. Археологические памятники России: охрана и мониторинг. Группа археологического мониторинга ИИМК РАН (2001–2010) / Ред. А. В. Субботин (отв. редактор), Л. Б. Кирчо, С. В. Красниенко, В. Я. Стеганцева. – СПб.: «Инфо-ол», 2012. – 176 с.
3. Каменецкий, И.С. Археология. История раскопок и историография: лекционный курс по специальности «Музейное дело и охрана памятников культуры» / И.С. Каменецкий. – М., 2006. – 43 с.
4. Лебедев, Г.С. История отечественной археологии. 1700–1917 / Г.С. Лебедев. – СПб.: СПГУ, 1991. – 456 с.
5. Макаров, Н.А. Археология в современной России / Н.А. Макаров, Л.А. Беляев, А.В. Энговатова // Российская археология. – 2015. – № 2. – С. 5–15.
6. Мезенцева, Г.Г. Дослідники археології України: Енциклопедичний словник-довідник / Г.Г. Мезенцева. – Чернігів: Сіверянська думка, 1997. – 206 с.
7. Платонова, Н.И. История археологической мысли в России. Вторая половина XIX – первая треть XX века / Н.И. Платонова. – СПб.: Нестор-История, 2010. – 316 с.
8. Формозов, А.А. Очерки по истории русской археологии / А.А. Формозов. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – 128 с.

1.1. Отечественные письменные источники. Основным видом письменных источников отечественного происхождения являются восточнославянские летописи. Начало летописания на Руси неизвестно, поскольку и действительные, и предполагаемые ранние памятники не сохранились. Вероятно, оно зародилось сразу после принятия греко-византийского православия с его культурной традицией создания хроник, т. е. в конце X в. или около рубежа X–XI вв. Большинство летописей сохранилось в поздних списках (XV–XVII вв.). Первоначальные тексты,

восходящие к XI–XII вв., нередко переписывались и редактировались в духе своего времени.

Уже на первых страницах летописных сводов появляется информация о сельских поселениях Руси – «весьях», «селах», «погостах» и их жителях. И почти каждая летописная запись упоминает города. По некоторым подсчетам, восточнославянские летописцы занесли в свои сочинения названия более 250 городов и прочих значимых поселений (по состоянию на XII–XIV вв.).

Важнейшим памятником древнерусского летописания является Повесть Временных лет (ПВЛ), которая была завершена в начале XII в. Создавалась она в Киево-Печерском монастыре и ее автором обычно признается монах Нестор. По меткому определению Б.А. Рыбакова, в ПВЛ «прослежены древнейшие судьбы славянства». Уникальная летопись дает много исторической информации о «градах» (т. е. об укрепленных поселениях, в т. ч. о городах) и сельских поселениях Руси с незапамятных времен вплоть до XII в.

Пристальное внимание летописцев привлекали Киев и столицы крупных земель-княжений, где и составлялись летописные своды. Сообщения о периферийных центрах (о т. н. «малых» городах по терминологии современных исследователей или «пригородах» по определению создателей летописей), а тем более, о сельских поселениях в восточнославянские хроники попадали по большей части в связи с важнейшими событиями истории Руси. Являясь придворными сочинениями, составленными монахами, летописи большее внимание уделяли истории княжеских династий и церкви, крупным военно-политическим и дипломатическим событиям.

Определенные свидетельства о жизни и сущности древнерусских поселений, несут былины, записанные у русских поморов в XVIII–XIX вв. («киевский цикл» о Владимире – Красно Солнышке и его окружении и др.)

Любопытная информация, связанная с «градами» и «весьями» Руси открывается на страницах знаменитого литературного памятника – «Слова о полку Игореве», созданного около 1185 г. В основе сюжета – неудачный поход новгород-северского князя Игоря Святославича против половцев в Великую Степь и его последствия.

1.2. Письменные источники иностранного происхождения. Русь – многоэтническое образование с преобладанием восточнославянского компонента – уже с IX – начала X в. была одним из крупнейших государств Европы. Она служила своеобразной контактной зоной между Западной, Центральной и Северной Европой с одной стороны, Византийской империей и арабо-мусульманским миром – с другой. Торгово-экономические и военно-политические интересы «цивилизованных» соседей Руси объективно подталкивали первых

создавать разнохарактерные письменные памятники, так или иначе затрагивающие географию, историю, народонаселение, государственное устройство, экономику этого государства. Основные иностранные источники имеют византийское, арабское, персидское, скандинавское, польское и немецкое происхождение. Большинство сообщений так или иначе касается поселений (в первую очередь, городов) Руси. Наибольший интерес для исследователей представляют документы VIII–XIII вв.

Арабо-мусульманские авторы (Ибн-Хаукаль, Ибн-Хордадбех, Аль-Масуди, Ибн-Фадлан и др.) VIII–XIII вв. называют города Восточной Европы (Куяву, Арсу, Ас-Славию, т. е. Киев, вероятно, Ростов и Новгород Великий). Чаще всего арабские и персидские ученые упоминают Киев. Они подчеркивают богатство и политическое значение этого города, рассматривают его как торговое средоточие и резиденцию местных верховных правителей («царей») с их окружением («русью, русами»), которое господствует над подчиненными славянами («ас-сакалиба»). Русь, согласно арабо-мусульманской традиции, поставляет на Восток превосходную пушнину, мед, воск, рабов и отличные мечи. Русь ведет агрессивную политику по отношению к соседям (арабами и персами описываются нападения руссов на Византию и Халифат в регионах прибрежий Черного, Средиземного и Каспийского морей).

Западноевропейские (преимущественно германские) хроники VIII–IX вв. подчеркивают многочисленность славянских поселений, говорят о наличии у славян сотен «цивитас» (т. е. укрепленных поселений). Польские и германские хронисты последующих столетий неоднократно упоминают города Руси, отмечают их важное международное торговое, военное и административное значение.

Скандинавским сагам, записанным на старонорвежском языке в XIII в., но отражающим реалии более раннего периода, хорошо известна Русь под именем «Гардарики» (страна городов). Скандинавы (норманны) не только посещали Хольмгард (Новгород Великий), Адельгю (Ладогу), Полтескю (Полоцк) и др., но также проживали в этих восточноевропейских городах. Северные эпические произведения содержат ценную историческую информацию, преимущественно о политической, военной и экономической истории Руси.

Большое внимание восточным славянам, которые были военно-политическим соперником и одновременно торговым партнером Империи, уделяли византийские хроники. В поучительном сочинении середины X в. императора Константина Багрянородного «Об управлении империей» (или просто «Империя», раздел «О фемах») упомянуты крупнейшие города Руси Киев, Смоленск, Новгород Великий, Чернигов, Любеч, показаны их торгово-экономические и отчасти – военные функции.

1.3. Исследование поселений Руси в трудах историков и археологов XVIII – начала XX вв. Изучением поселений Руси занимались видные российские историки XVIII–XIX вв. (В.Н. Татищев, М.П. Погодин, С.М. Соловьев, В.О. Ключевский и др.). Большинство ученых основывало свои представления на материалах письменных источников. Но уже в первой половине XIX в., в связи с развитием археологической науки, проводятся полевые исследования памятников эпохи Руси (преимущественно курганов).

Развертыванию крупных археологических работ в России способствовали реформы второй половины XIX в. Ученые комиссии и статистические комитеты проводят тотальную «инвентаризацию» древностей по губерниям и уездам. Многие открытия публикуются. Но тогдашняя археология (за редким исключением) была больше похожа на кладоискательство, поскольку часть даже маститых ученых не утруждала себя поиском научной методики полевых исследований и музейного хранения артефактов. Достаточно вспомнить раскопки А.С. Уварова и П.С. Савельева, которые за два – три года разрыли несколько тысяч (!) курганов в окрестностях Владимира. Особенностью тогдашней археологии был именно акцент на вскрытие могильных древностей, которые в ряде случаев давали предметы коллекционного значения и имевшие определенную коммерческую ценность.

Осознание необходимости серьезного научного подхода к раскопкам памятников далекого прошлого приходит в конце XIX в. В это время одним из первых указывает на необходимость изучения не только могил, но и остатков поселений Д.Я. Самоквасов – крупный историк и археолог Чернигово-Северской земли. В труде «Древние города России» Д.Я. Самоквасов, опираясь на собственные обследования, поставил точку в давней дискуссии о назначении большинства славяно-русских городищ, увидев в них остатки как городов, так и крепостей (а не только «святых оградцев», т. е. святилищ).

«Ускоряющим» фактором в деле изучения восточнославянских памятников эпохи средневековья явилась практика регулярного проведения Всероссийских археологических съездов (инициатива Московского Археологического общества в лице графа А.С. Уварова). В 1869–1911 гг. в работе 15-ти съездов приняли участие выдающиеся ученые-славяноведы и энциклопедисты Д.Н. Анучин, Д.И. Багалеи, В.А. Городцов, В.О. Ключевский, Н.П. Кондаков, Н.И. Костомаров, А.С. Лаппо-Данилевский, С.Ф. Платонов, М.П. Погодин, Л. Нидерле и др. В процессе подготовки съездов проводились раскопки и составлялись археологические карты, собранный материал добротнo публиковался. Так, накануне организации III Археологического съезда в Киеве (состоялся в августе 1874 г.) Д.Я. Самоквасовым были проведены раскопки

погребальных памятников эпохи Руси в Чернигове, включая знаменитый курган Чёрная Могила.

Первые небольшие итоги раскопок поселений Руси подводятся в конце XIX – начале XX вв., но по-прежнему акцент ученых ставится на изучение «могильных» древностей. Осмысление собранного историко-археологического материала отражается в обобщающих трудах и многочисленных статьях. А.А. Спицын блестяще систематизирует значительный археологический материал и подтверждает возможности археологии в сопоставлении ее достижений с историко-документальными материалами. В исследовании «Расселение древнерусских племен по археологическим данным» (1899 г.) он установил принадлежность археологических памятников отдельных территорий Восточной Европы племенным объединениям славян, известным по летописи.

Город эпохи Руси по-прежнему интересует историков. Н.П. Барсов, М.С. Грушевский, М.К. Любавский, М.В. Довнар-Запольский и другие видные ученые все больше вовлекают в свои исследования данные археологии. В начале XX в. проводятся первые крупные раскопки в Киеве, Старой Ладоге, Новгороде Великом, Полоцке, Смоленске и пр. Но их информативность пока еще была недостаточной. Следует отметить большие по объему исследования В.В. Хвойко в Киеве, Белгороде, Витачеве и др. В Новгороде Великом раскопки проводил известный художник и философ Н.К. Рерих.

Ученые дореволюционной России накопили огромный материал для изучения раннесредневекового прошлого Восточной Европы. Но он был основан преимущественно на данных исследований могильников. Обширные материалы по археологии Руси, полученные во второй половине XIX – начале XX в., актуальны и по сей день.

1.4. Историко-археологическое изучение поселений Руси в советский и постсоветский периоды. В первые годы советской власти главное внимание в изучении исторического прошлого было отведено социально-экономическим процессам, что соответствовало марксистским представлениям о развитии общества. Думается, что такой подход при всех его недостатках во многом заполнял «белые пятна», оставленные наукой дореволюционного периода. Выработка новых взглядов на изучение истории Руси IX–XIII вв. произошла в 1920–1930-е гг., когда в результате дискуссий была сформирована концепция феодальной сущности древнерусской государственности (С.В. Юшков, Б.Д. Греков). В 1920-х гг. начинаются широкие раскопки всех известных видов археологических памятников периода Руси. Масштабные исследования городищ в левобережье Днепра ведет украинский археолог Н.Е. Макаренко. Крупнейшие работы выполняются советскими учеными в зоне строительства канала «Москва–Волга» и на других новостройках.

Накануне Великой Отечественной войны В.А. Равдоникас сосредотачивается на изучении древнейшего центра Руси – Старой Ладogi. П.Н. Третьяков исследует поселения сельского типа в Верхнем Поволжье и Среднем Поднепровье. В 1930-х гг. наука обращает пристальное внимание на проблему раннего города. Ученых интересуют хозяйственная жизнь, бытовая и духовная культура населения, динамика развития города и проблема его происхождения. Н.Н. Воронин ведет исследования в имении Андрея Боголюбского – Боголюбове, начинает раскопки летописного Владимира-Суздальского. Экспедиция А.В. Арциховского, работа которой была прервана германской оккупацией, блестяще изучает древности Новгорода Великого. Новгородские открытия имеют мировое значение. Консервирующие свойства новгородского культурного слоя обеспечили великолепную сохранность предметов органического происхождения (древесины, кости, кожи и пр.). В Новгороде Великом раскрыты целые кварталы средневековой городской деревянной застройки. Одно из важнейших открытий новгородских экспедиций – новый для ученых вид историко-археологических источников – берестяные грамоты. Кроме Новгорода Великого, они найдены в российских городах Пскове, Торжке, Смоленске, Старой Руссе, Твери, Нижнем Новгороде, Москве, белорусских Витебске и Мстиславле, украинском Звенигороде Галицком. Оценить значение этих открытий сможет сам ход истории.

В послевоенные годы масштабные археологические раскопки велись экспедицией М.К. Каргера в Киеве. Открыты сотни тысяч материальных свидетельств ранней истории столицы Руси, включая фундаменты храмов, элементы оборонительных сооружений, остатки городских усадеб, следы монгольского погрома Киева в 1240 г. Большие раскопки разворачиваются в Пскове, Смоленске, Москве, Старой Рязани, Чернигове, Любече, Белоозере. Их результаты нашли отражение в трудах Д.А. Авдусина, Л.А. Голубевой, А.Л. Монгайта, Б.А. Рыбакова и многих других ученых.

Значительное влияние на видение проблемы происхождения и сущности раннего города оказали исследования советского историка М.Н. Тихомирова. Он полагал, что в основе возникновения и развития средневековых городов Руси лежат, в первую очередь, тенденции развития феодализма и экономические успехи общества. Он подчеркивал, что города вырастали в густонаселенных районах Восточной Европы. Работа М.Н. Тихомирова систематизировала знания, касающиеся историко-археологического изучения городских поселений.

В 1950-х – 1970-х гг., в связи со стремительным накоплением источников, появляются крупные обобщающие работы по исследованию ремесла, сельского хозяйства, торговли, военно-оборонительного зодчества, военного дела, рядового и монументального строительства, сфрагистики и т. д. Важнейшее значение имеют исследования В.И.

Довженка, А.Н. Кирпичникова, Б.А. Колчина, П.А. Раппопорта, Б.А. Рыбакова, П.П. Толочко, В.Л. Янина и др.

Во второй половине XX в. нарастает интерес к изучению сельских поселений Руси. Начинается сплошное обследование целых регионов Восточной Европы, заселенных в раннем средневековье, разворачиваются крупные раскопки на местах сельских поселений в Европейской России и в Украине. Масштабные работы, во многом изменившие представления об «отсталости» древнерусского села, ставят серьезные вопросы о его социально-экономической сущности, о связи систем сельского расселения с природно-географическим фактором и формами ведения хозяйства, о темпах христианизации и феодализации сельской среды. Крупные исследования селищ в междуречье Десны и Днепра были предприняты украинскими учеными (В.П. Коваленко, А.П. Моця, А.В. Шекун и др.).

Достижения советской археологии в области изучения поселений ранней восточнославянской государственности подведены в серии изданий «Очерки по истории русской деревни», томах фундаментального исследования «Древняя Русь» из серии «Археология СССР» и др. Открытия украинских ученых нашли отражение в третьем томе «Археологии Украинской ССР» и во многих других изданиях.

В России постсоветского периода наметился стремительный рост археологических исследований: за четверть века после распада СССР объем полевых работ удвоился. К числу важнейших открытий российских ученых относится изучение укреплений Новгородского (Рюрикова) городища, исследование деревянной усадебной застройки рядом с Московским Кремлем. Большое внимание археологов обращено на взаимодействие человека с природно-географической средой, исследование вариантов, путей и этапов расселения в разных регионах Европейской части России, изучение демографии и антропологии сельского и городского населения. В российской науке активно обсуждается проблема возникновения и развития раннесредневековых городов. Масштабные исследования в области археологии Руси ведутся Институтом археологии РАН, Институтом истории материальной культуры РАН, Госэрмитажем, Государственным историческим музеем, многими другими научными учреждениями, университетами и музеями Российской Федерации. Ведущими российскими учеными выступают П.Г. Гайдуков, А.Н. Кирпичников, Н.А. Макаров, А.Е. Мусин, Е.Н. Носов, В.Я. Петрухин, Е.А. Рыбина, Е.А. Рябинин, Т.А. Пушкина, А.В. Чернецов, С.З. Чернов, В.Л. Янин и др.

Современная археологическая наука Украины продолжает изучение наследия Руси. Ведущим научным учреждением выступает Институт археологии НАН Украины, крупные научные программы осуществляют региональные научные центры, университеты и музеи. В работах ряда украинских ученых возрождается тезис М.С. Грушевского об «Украине-

Руси» и «украинско-русской народности», что накладывает отпечаток на практические подходы и теоретические разработки украинской археологии.

Внимание современных ученых направлено на исследования древнейших городов (Киева, Чернигова, Новгорода-Северского, Искоростеня, Галича, Львова и др.). Широкие работы ведутся на сельских поселениях, продолжаются раскопки курганных могильников. Акцент современной украинской археологии делается на полевых исследованиях памятников, которые разрушаются в ходе строительства и незаконных раскопок кладоискателями. Ученые Украины большое внимание уделяют раскопкам в крупнейших летописных городах, в первую очередь, в Киеве (продолжение исследований каменного дворца княгини Ольги, деревянной застройки Подола, граффити и фресок Софийского собора и др.). Археологи решают вопросы, связанные с процессами генезиса государственности, градообразования, сельского расселения, христианизации, изучают этнокультурную историю, детально исследуют различные категории артефактов, создают значимые историко-археологические реконструкции. В археологическое изучение успешно вовлекаются данные смежных гуманитарных и естественных наук. В плеяду выдающихся археологов конца советского и постсоветского периода входят Я.Г. Боровский, С.А. Высоцкий, Г.Ю. Ивакин, В.П. Коваленко, М.П. Кучера, А.П. Моця, П.П. Толочко и многие другие.

Современная российская и украинская археология выросли из недр советской науки и опираются на ее достижения. После распада СССР в России и Украине продолжают широкие исследования восточнославянских поселений. Постсоветская археология заметно расширяет сферу своих интересов, развивает новые методы полевого и кабинетного исследования, стремится к максимальной достоверности исторических построений.

Вопросы для самоконтроля

1. В чем заключается важность письменных источников для исследования археологии Руси?
2. Какие аспекты истории сельских и городских поселений восточных славян раскрывает Повесть Временных лет?
3. Назовите ученых советского периода, внесших значимый вклад в историко-археологическое изучение средневековых древностей Восточной Европы.
4. Какие научные проблемы, связанные с археологией Руси, находятся в центре внимания современной российской и украинской науки?

Лекция 2.

Изучение памятников IX–XIII вв. в Беларуси

2.1. Зарождение археологической науки и первые шаги в изучении средневековых памятников.

2.2. Археология Беларуси довоенного периода.

2.3. Послевоенная археология Беларуси.

2.4. Достижения белорусской археологической науки конца XX – начала XXI в.

Рекомендуемая литература

1. Алексеев, Л.В. Археология и краеведение Беларуси XVI в. – 30-е годы XX в. / Л.В. Алексеев. – Минск: Беларуская навука, 1996. – 206 с.

2. Алексеев, Л.В. Западные земли домонгольской Руси. Очерки истории, археологии, культуры / Л.В. Алексеев. – М.: Наука, 2006. – Кн. I. – 290 с.

3. Антология советской археологии. – Т. 1. 1917 – 1933. – М.: ИА РАН. 1995. – 170 с.

4. Археалогія Беларусі: у 4 т. / пад. рэд. П.Ф. Лысенкі. – Мінск: Беларус. навука, 2000. – Т. 3. – 554 с.

5. Вяргей, В.С. Археалагічная навука ў Беларускай ССР, 1919–1941 гг. / В.С. Вяргей; пад рэд. Я.Г. Шмідта. – Мінск: Навука і тэхніка, 1992. – 144 с.

6. Загарульскі, Э.М. Заходняя Русь: IX–XIII стст.: вучэб. дапам. / Э.М. Загарульскі; БГУ. – Мінск: Універсітэцкае, 1998. – 240 с.

7. Каханоўскі, Г.А. Археалогія і гістарычнае краязнаўства Беларусі ў XVI–XIX стст. / Г.А. Каханоўскі; пад рэд. Л.Д. Побалы. – Мінск: Навука і тэхніка, 1984. – 120 с.

8. Семянчук Г. Генезіс беларускіх гарадоў у раннім сярэднявеччы (IX–XIII стст.) / Г. Семянчук // Гістарыяграфія і крыніцы па гісторыі гарадоў і працэсаў урбанізацыі ў Беларусі. Зб. навук. артыкулаў. – Гродна: ГрДУ, 2009. – С. 10–22.

2.1. Зарождение археологической науки и первые шаги в изучении средневековых памятников. На землях Беларуси интерес к археологическим древностям, согласно исследованиям известного историка Г.А. Кохановского, зарождается еще в XVI в. Задолго до становления археологии как зрелой науки в Великом княжестве Литовском ведутся поиски старинных монет, предметов антикварного значения, остатков церквей ушедших эпох. Но вплоть до XIX в. большинство открытых материальных памятников оставалось неизученным, а

интересные находки оседали в частных коллекциях шляхты и магнатов. Впрочем, это был закономерный этап в становлении археологической науки. Такой же путь прошли все европейские страны, включая наших соседей – Россию, Польшу и др.

Крупнейшим научным центром по изучению белорусских (и не только) древностей выступал Виленский университет, где в XIX столетии трудились лучшие ученые-гуманитарии Европы (выходцы из России, Польши, Франции, Германии).

Фактически первую археологическую карту северо-запада Российской империи составил белорусский шляхтич Адам Чарноцкий, больше известный под псевдонимом Зориан Доленга-Ходаковский. Он, благодаря своей настойчивости, получил Грамоту (открытый лист, разрешение) Виленского университета на проведение полевых исследований в области археологии (1818 г.). В своих многочисленных научных «экскурсиях» по губерниям тогдашней европейской России он не проводил раскопок, а записывал исторические легенды, вел опросы местного населения на предмет наличия в окрестностях того или иного населенного пункта городищ, курганов и прочих древностей. На территории Беларуси Доленга-Ходаковский осматривал памятники в окрестностях Бобруйска, Бреста, Волковыска, Витебска, Гомеля, Гродно, Лиды, Могилева, Новогрудка, Пинска, Полоцка, Рогачева, Слонима, Турова и др. На его карту попали сотни городищ, в том числе остатки средневековых городов. Будучи одним из первых в изучении памятников археологии, исследователь объективно допускал ошибки. Так, древние и средневековые памятники с остатками валов и рвов он трактовал не как места укрепленных поселений прошлого (городищ), а только «святых оградцев» (дохристианских святилищ).

Как отмечает Л.В. Дучиц, признание современников к З. Доленге-Ходаковскому пришло не сразу. Когда ученый посещал аристократические салоны Петербурга и магнатские имения, расспрашивая о местных древностях, его нередко воспринимали как умалишенного, простолюдины усматривали в нем разбойника, научные общества отказывались финансировать его экспедиции, полагая, что он занимается прославлением язычества. Конечно, описания и размышления З. Доленги-Ходаковского сегодня могут вызвать улыбку маститого ученого, но он навсегда останется «первопроходцем» восточноевропейской археологии.

Братья К.П. и Е.П. Тышкевичи – представители богатого и знатного графского рода – создают один из первых частных археологических музеев в Беларуси в своем Логойском имении и способствуют организации Виленской Археологической комиссии. В коллекциях Тышкевичей преобладали каменные орудия эпох неолита и бронзы, материалы «любительских» раскопок средневековых курганов, монеты. Тышкевичи поддерживали связи с научными обществами зарубежной Европы и

публиковали свои открытия в самых престижных изданиях. В экспедициях Тышкевичей принимали участие такие знаменитости, как писатель Ю. Крашевский, маршалок шляхты сейма Менского повета Г. Татур. Археологией интересовались знатоки белорусской старины А. Киркор, Т. Нарбут и другие.

Во второй половине XIX в. археологией увлеклись многие землевладельцы. На своей земле помещик мог вести любые раскопки без разрешения Императорской Археологической Комиссии. Выдающимся событием было проведение в Вильне IX Археологического съезда (1893 г.). Комитет по подготовке съезда два года организовывал масштабные раскопки и составлял археологические карты Виленской, Гродненской и Ковенской губерний.

В конце XIX в. крупные курганные раскопки в землях радимичей и дреговичей проводят В.З. Завитневич и В.Б. Антонович. Эти изыскания еще далеки от высокого уровня, но носят вполне научный характер: каждый исследователь преследовал решение того или иного вопроса, а не задачу пополнения своей собственной или чужой коллекции древностей. Да, ни В.З. Завитневич, ни В.Б. Антонович, чаще всего, не составляли планов курганных могильников и отдельных раскапываемых курганов, нередко поверхностно описывали могилы и их инвентарь. За несколько полевых сезонов В. З. Завитневич сумел разрыть несколько сотен курганов дреговичей в Припятском Полесье и Поднепровье. Качество таких исследований наверняка страдало. Тем не менее, этот ученый впервые поставил вопрос о возможности использования найденных женских украшений и особенностей погребального обряда для определения ареала расселения дреговичей.

Коллекции находок конца XIX в. частично сохранились в Государственном историческом музее (Москва), в музеях Киева и др.

Качественные археологические исследования на рубеже столетий в тогдашнем Северо-Западном крае провел уроженец гомельского предместья Ново-Белицы Е.Р. Романов – блестящий ученый-энциклопедист и общественный деятель. Он не только без спешки раскопал многие десятки курганов радимичей (его литературный псевдоним – «Радимич»), но и представил ученому миру скрупулезные отчеты об исследованиях с приложением чертежей и фотоснимков. Е. Р. Романов старался как можно больше публиковать. Именно поэтому его открытия остаются важным достижением науки. Бесценна романовская археологическая карта Могилевской губернии, которая сохранилась в архиве. Не менее интересен опубликованный им в 1910 г. под эгидой Русского Императорского Географического общества «Археологический очерк Гомельского уезда», где в научный оборот вводился большой материал о памятниках древности и средневековья данного региона.

Недостаток исследований средневековых памятников на белорусских землях дореволюционного периода – односторонняя направленность научного интереса преимущественно к могильным древностям.

2.2. Археология Беларуси довоенного периода. Вскоре после революций территория Беларуси была разделена на БССР и польские «усходние крэсы». Охраной и изучением археологических памятников в советской Беларуси занялась ученая комиссия при Наркомате образования.

В первые послевоенные десятилетия с началом становления белорусской советской археологической науки и развертыванием массового краеведческого движения археологи Института Белорусской культуры (Инбелкульт, создан в 1922 г., впоследствии преобразован в Академию наук БССР) под руководством А.Н. Лявданского провели сплошное обследование территории Советской Белоруссии. Ученые разработали многолетнюю программу составления подробной археологической карты республики, охватили исследованиями все категории памятников разных исторических эпох.

К 1930-м годам белорусскими учеными была выработана первая научно обоснованная периодизация древнего и средневекового прошлого Беларуси. Большое внимание, в отличие от дореволюционных исследователей, уделялось поиску и проведению небольших раскопок на сельских поселениях и на месте средневековых городов. Ограниченный характер полевых работ был обусловлен тяжелым экономическим положением страны. Однако стараниями А.Н. Лявданского, А.Д. Ковалени, С.А. Дубинского и других исследователей впервые проводятся археологические изыскания в Полоцке, Турове, Витебске, Орше, Борисове, Заславле, Минске, Чечерске и пр. Только в Гомельском Поднепровье были выявлены сотни памятников железного века и периода феодализма, составлены десятки их топографических планов, собраны представительные научные коллекции.

В середине 1920-х гг. грандиозную по своему размаху археологическую разведку по берегам Сожа предпринимает К.М. Поликарпович, который впервые наносит на карты Могилевщины и Гомельщины многие сотни памятников каменного, бронзового, железного веков и средневекового периода. Гомельский археолог-краевед И.Х. Ющенко путем наблюдений и проведения шурфовки в 1926 г. открывает место раннего Гомельского городища.

Следует остановиться на итогах работ одного из самых выдающихся белорусских археологов предвоенного периода – А.Н. Лявданского. Они получили высокую оценку как в советской, так и постсоветской науке. Археологические экспедиции второй половины 1920-х – середины 1930-х гг., объединившие ведущих белорусских археологов и краеведов, провели

детальное обследование территории БССР и Смоленщины. На самом высоком научном уровне была выполнена систематизация памятников различных эпох, включая древности средневекового периода.

На землях Западной Беларуси, которые входили в состав Польши (1921–1939 гг.) также проводились значительные археологические исследования, в т. ч. памятников средневекового периода. Польская историческая наука рассматривала белорусские древности как составную часть польских.

Организаторами археологических исследований в Западной Беларуси были известные ученые, которые занимали крупные посты в местном государственном управлении – В. Антаневич, Р. Якимович и др. В 1920–30-х гг. при польских властях были открыты музеи в Гродно, Пинске, Слониме, Волковыске. Значительную часть их собраний составляли археологические коллекции. В те же годы началось изучение городов летописного периода. Раскопки велись в Волковыске (Ю. Ядковский), Гродно (Ю. Ядковский, З. Дурчевский), Давыд-Городке (Р. Якимович).

В ходе раскопок 1932–33 гг. на Замковой Горе в Гродно были выявлены фундаменты каменного княжеского терема, участок крепостной стены, руины двух храмов (Верхней и Нижней церквей). В Давыд-Городке польские археологи открыли участок уникальной деревянной городской застройки эпохи Руси.

В начале 1930-х гг. на площадке замчища в Новогрудке в память о знаменитом поэте А. Мицкевиче польскими властями при широком участии общественности и ученых был насыпан высокий мемориальный курган. Большая часть земли была вынута из культурных отложений эпохи средневековья, что дало польским ученым возможность изучить несколько историко-архитектурных памятников раннего Новогрудка.

2.3. Послевоенная археология Беларуси. Большие потери белорусская советская археологическая наука понесла в годы репрессий и Великой Отечественной войны (1930-е – середина 1940-х гг.). Почти все ученые погибли, исчезла бесценная научная документация, многие публикации и важнейшие документы были отправлены в т. н. «спецхран», а коллекции находок – были разграблены в годы оккупации или утеряны.

После войны белорусская археологическая наука медленно, но верно восстанавливается. Первоначально сосредоточенная в стенах Института истории Академии наук БССР (остававшимся головным республиканским научно-исследовательским центром), она начинает формироваться и на базе крупнейших вузов и музеев страны.

Большую поддержку ученым Беларуси оказали российские исследователи. Экспедиции московских и ленинградских археологов осуществили широкомасштабные раскопки в Гродно (Н.Н. Воронин), Новогрудке (Ф.Д. Гуревич), Волковыске (П.А. Раппопорт), Пинске (Т.В.

Равдина), Браслане и Мстиславле (Л.В. Алексеев) и др. В.В. Седов провел обследования и небольшие раскопки памятников разного характера во всех регионах Беларуси, Ю.В. Кухаренко обследовал десятки средневековых памятников Белорусского Полесья и Поднепровья, проводил масштабные раскопки славянского городища Хотомель в Столинском районе Брестской области. Экспедиция П.Н. Третьякова и его коллег раскапывала комплекс памятников (городище, селище, могильник) раннего железного века и периода средневековья у д. Чаплин в Гомельском Поднепровье. Появляются крупные публикации монографического характера, в том числе по региональным средневековым древностям и посвященные городской археологии.

В конце 1940-х – 1980-х гг. в белорусской археологической науке активно изучалась история населения территории Беларуси IX–XIII вв. В проблематику ученых входили такие вопросы, как расселение восточнославянских племен и их соседей, социально-экономическое развитие регионов, история городов и др. Наиболее важные результаты достигнуты в изучении вопросов происхождения и развития ранних городов как административно-политических и военно-оборонительных центров, средоточий экономической и культурно-религиозной жизни.

В 1960–1970-е гг. в археологические исследования поселений периода Руси активно включается большая группа белорусских археологов, которую возглавляют Э.М. Загорульский, Я.Г. Зверуго, Т.Н. Коробушкина, П.Ф. Лысенко, М.А. Ткачев, Г.В. Штыхов и др. (исследования в Витебске, Волковыске, Минске, Пинске, Полоцке, Слониме, Турийске, Турове, а также курганов по всей территории БССР). Раскопки этих ученых дали основания для постановки вопросов о происхождении городов, их исторической топографии, характеристике материальной и духовной культуры эпохи Руси. Изучение курганов приумножило базу источников по истории сельского населения земель Беларуси и этнографических особенностях ее отдельных регионов. Э.М. Загорульский впервые почти полностью раскопал феодальный замок – Вишинское городище под Рогачевом. П.Ф. Лысенко успешно изучал города Туровской земли, открыл для мировой науки комплекс древнерусского города Берестье и при поддержке заинтересованных коллег создал в Бресте уникальный музей раннесредневекового деревянного зодчества.

2.4. Достижения белорусской археологической науки конца XX – начала XXI в. Несмотря на серьезные проблемы переходного периода в развитии советского и постсоветского пространства второй половины 1980-х – первой половины 1990-х гг., белорусская археологическая наука в основном сохраняет и приумножает свои стратегические позиции в научном мире. На фоне изменения видов и источников финансирования научных

исследований в Беларуси заметно возрастает объем хозяйственных работ, которые ведутся преимущественно в местах разрушения или нарушения историко-культурных ценностей (строительство, мелиорация, закладка карьеров, реставрация памятников архитектуры, расширение пахотных угодий и пр.).

В последние десятилетия продолжаются исследования во всех «исторических» городах Беларуси. Широкими площадями изучаются детинцы летописных населенных пунктов, их околоградья, посады, пригородные села.

Исследования средневекового Минска продолжаются на его замчище (зона строительства Минского метрополитена) и переносятся на окраины города (Ю.А. Заяц, Л.Д. Поболь, Г.В. Штыхов и др.), раскапываются и музеефицируются руины Туровского храма (П.Ф. Лысенко). Успешно исследуются основные историко-топографические части Витебска (Т.С. Бубенько, Л.В. Колединский, О.Н. Левко), Гродно (М.А. Ткачев, О.А. Трусов и др.), Полоцка (Д.В. Дук, С.В. Тарасов и др.), детинец Слуцка (Л.В. Колединский). Крупные полевые исследования осуществляются в Браславе и Дрисвятах (Г.С. Семенчук), Заславле (Ю.А. Заяц), Клецке (Т.С. Бубенько, В.С. Поздняков), Мозыре (О.А. Трусов), Мстиславле (Л.В. Алексеев, М.А. Ткачев, О.А. Трусов и др.), в Посожье ведутся раскопки Кричева, Славгорода (Прупоя-Пропошеска), Чечерска (А.А. Метельский, М.А. Ткачев).

Во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг. начинаются целенаправленные археологические работы в Гомеле (О.А. Макушников) и Могилеве (И.А. Марзалюк), которые показывают, что эти города Беларуси существовали задолго до первых упоминаний в письменных документах.

На современном этапе развития белорусской археологической науки значительное внимание уделяется раскопкам поселений сельского типа и «не-летописных» городищ.

Я.Г. Риер проводит комплексное исследование Чаусского селища и могильника, иных памятников Могилевского Поднепровья и убедительно показывает их значение в изучении аграрного мира средневековья. Л.В. Дучиц исследует Масковичское городище – небольшой город-замок на порубежье Полоцкого княжества. А.А. Седин изучает «прообраз» будущих городов и феодальных замков – раннесредневековое Никодимовское городище в Могилевском Поднепровье. В.С. Вергей и О.В. Иов исследуют сельские поселения в Припятском Полесье, проводят раскопки восточнославянских городищ в Брестской и Гомельской обл. В.И. Кошман изучает памятники поречья Березины, О.Н. Левко – городища и селища в Витебской и Могилевской обл., В.И. Шадыро – комплекс памятников у д. Прудники на Витебщине, О.А. Макушников – поселения и курганы в Гомельском Поднепровье. На современном этапе развития археологической науки по всей территории Беларуси продолжаются

раскопки средневековых могильников. Эти работы носят преимущественно спасательный (охранный) характер и проводятся практически всеми учеными, имеющими отношение к средневековой археологии.

Материалы исследований археологических памятников эпохи средневековья широко представлены на страницах сотен статей, десятков монографий, энциклопедических изданий. Академические исследователи издали двухтомную коллективную монографию «Очерки по истории Белоруссии», книгу «Белорусская археология. Достижения археологов за годы Советской власти». Оперативно информируют читателей о новых открытиях академические издания Национальной Академии наук Беларуси – «Гістарычна-археалагічны зборнік» и «Матэрыялы па археалогіі Беларусі». Знаменательными событиями явились публикации энциклопедий «Археалогія і нумізматыка Беларусі» и двухтомной «Археалогія Беларусі», 4-томного коллективного труда белорусских ученых «Археалогія Беларусі», третий том которого посвящен памятникам рассматриваемой нами эпохи.

Национальная Академия наук, вузы и музеи Беларуси ежегодно проводят историко-археологические конференции регионального, республиканского и международного уровня, где изучению поселений средневекового периода отводится значительное место.

Институт истории НАН Беларуси является крупным центром по подготовке кадров белорусских археологов, здесь действует Совет по защите докторских диссертаций, в т. ч. археологического профиля.

Вопросы для самоконтроля

1. Что послужило стимулом для быстрого становления и развития белорусской советской археологии в первое послереволюционное время (1920-е – начало 1930-х гг.)?

2. Охарактеризуйте основные открытия белорусской археологии 1960-х – 1970-х гг. и покажите их общенаучное и культурно-образовательное значение.

3. Назовите основные периодические издания и энциклопедии современной белорусской археологии.

4. Дайте развернутую характеристику историко-археологическим открытиям ведущих ученых Института истории Академии наук Беларуси и Белорусского государственного университета (П.Ф. Лысенко, Г.В. Штыхова, Э.М. Загорюльского).

Лекция 3.

Археология сельских поселений

3.1. Сельские поселения: селища и городища.

3.2. Сельское расселение, топография, планировка поселений и состав их жителей.

3.3. Земледелие и животноводство.

3.4. Промыслы, ремесла, торговля.

Рекомендуемая литература

1. Древняя Русь. Город, замок, село / под ред. Б.А. Колчина, А.В. Чернецова. – М.: Наука, 1985. – 432 с.

2. Коробушкина, Т.Н., Земледелие на территории Белоруссии в X–XIII вв. / Т.Н. Коробушкина; под ред. Э.М. Загорюльского. – Минск: Наука и техника, 1979. – 120 с.

3. Кошман, В.І. Паселішчы міжрэчча Бярэзіны і Дняпра ў X–XIII стст. / В.І. Кошман. – Мінск: Беларус. навука, 2008. – 281 с.

4. Кучера, М.П. Поселения Среднего Поднепровья / М.П. Кучера // Древнерусские поселения Среднего Поднепровья (археологическая карта); редкол.: В.Д. Баран (отв. ред.) [и др.]. – Киев: Наукова думка, 1984. – С. 6-27.

5. Риер, Я.Г. Аграрный мир Восточной и Центральной Европы в средние века (по археологическим данным) / Я.Г. Риер. – Могилев: МГУ им. А. А. Кулешова, 2000. – 264 с.

6. Седов, В.В. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (VIII–XV вв.) / В.В. Седов // Материалы и исследования по археологии СССР. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – Вып. 92. – 158 с.

7. Тимощук, Б.А. Восточнославянская община VI–X вв. н. э. / Б.А. Тимощук. – М.: Наука, 1990. – 184 с.

8. Фехнер, М.В. К вопросу об экомических связях древнерусской деревни / М.В. Фехнер // Труды Государственно исторического музея. – М.: Советская Россия, 1959. – Вып. 33. – С. 149-224.

3.1. Сельские поселения: селища и городища. Средневековое крестьянство – общественный слой, занятый преимущественно в сельском хозяйстве (земледелии, животноводстве, лесных и речных промыслах). Крестьяне составляли абсолютное большинство населения аграрной по своей природе Руси.

Археология показывает, что на карте Восточной Европы города были достаточно редким вкраплением на фоне бескрайней «селищной» стихии. Археологическим отражением последней являются, в первую очередь, неукрепленные сельские поселения (поселения открытого типа, т.

е. селища) с прилегающими к ним могильниками (кладбищами, некрополями). И если научное археологическое изучение могильников (в первую очередь, курганных) насчитывает не менее двухсот лет, то целенаправленное исследование селищ Руси начинается только в середине прошлого века.

Обследование, картографирование, раскопки селищ дают возможность изучить характер сельского расселения, топографию, планировку, застройку, хронологию поселений, определить направленность хозяйственно-бытовой деятельности населения и др. Исследование прилегающих к селищам могильников позволяет получить представление об идеологии крестьянской среды, о соотношении языческих и христианских начал в мировоззрении людей IX–XIII вв., о погребальном уборе, нередко указывающем на половозрастную и этническую принадлежность умерших.

Современные антропологические исследования дают возможность проследить физические особенности погребенных, что важно для общесторических построений. Комплексное изучение сельских поселений и могильников Руси позволяет проследить христианизацию и феодализацию широких масс населения Восточной Европы, показать их конкретно-исторический характер и выделить хронологические этапы указанных процессов.

Селища – это остатки средневековых поселений. В восточнославянских письменных документах, ранние из которых восходят к памятникам XI в., они именуется терминами «весь», «село», «сельцо», «погост», «слобода». Термин «деревня» поздний, он распространяется в Северо-Восточной Руси с XIV–XV вв. Значение каждого из этих понятий вызывает у исследователей разные трактовки.

Говоря о сельских поселениях X–XIII вв., правомерно присоединиться к следующим точкам зрения. Термин «весь» – общеславянский (ср.: белорус. «веска»). Изначально он относился к поселениям свободных общинников, связанным с древней родовой организацией большой семьи или группы семей. Термины «село» и «сельцо» появляются на первых страницах летописей. Село – административно-экономический центр небольшой округи. Выросшие из общинной среды, села были рано охвачены процессами феодализации, в первую очередь, государственной, а затем церковной и частновладельческой. В письменных источниках селами именуется загородные имения князей и знати, как светской, так и духовной. Именно из сел могло идти «окняжение» и «обояривание» весей. В селе располагался господский двор, дворы слуг и холопов. Вероятно, села выступали и центрами духовно-религиозной власти, здесь могли располагаться церковные приходы. Погост – крупное поселение, еще во

времена первых князей (вспомним деятельность княгини Ольги), служившее местом сбора даней с податного населения.

В современной науке термином «городище» именуется остатки любых укрепленных поселений. Он связан с праславянским и восточнославянским «городити» – ограждать. Такое название для укрепленных поселений отмечается в памятниках письменности восточных славян.

Часть городищ эпохи Руси была центрами крестьянской самообороны и сохранения дофеодалных традиций. Такие сельские укрепленные поселения часто именуется общинными центрами. Они встречаются намного реже селищ. Их отличительная особенность – валы и рвы оборонительного назначения. Выделяя категорию общинных или племенных центров, исследователи обращают внимание на характер их культурного слоя и состав находок. Раскопки многих городищ дают остатки производственных сооружений, специализированных инструментов, отходов производств. Отсюда делается вывод о том, что население этих поселков занималось не только сельским хозяйством, но и ремеслами. Археология не исключает пребывания здесь представителей «старой» племенной знати.

Большая часть общинных центров погибает под напором феодализации в X–XI вв. Им на смену приходят замки – владельческие поселения-крепости князей и боярства, которые показывают победу феодальных отношений в сельской среде. Замки рассматриваются на страницах отдельной лекции.

3.2. Сельское расселение, топография, планировка поселений и состав их жителей. Характер сельского расселения, размеры поселений, а соответственно и демография того или иного региона зависели, прежде всего, от природно-географического фактора.

Основные события раннесредневековой истории восточного славянства и иных народов, составивших костяк населения Руси, связаны с лесной и лесостепными зонами Восточной Европы. Расселение людей в этих районах ориентировано на привязку мест обитания к берегам крупных и мелких водотоков. На характер расселения решительно влияло распространение лесных массивов, безлесых пространств и качество почв.

Для ведения комплексного хозяйства, основу которого составляли земледелие и скотоводство, наиболее удобными были почвы лесостепной полосы – относительно легкие по механическому составу и сравнительно плодородные. Восточноевропейские регионы, где рано распространяется продуктивное пашенное земледелие на богатых почвах (в первую очередь – Поднестровье, Южное Побужье, Среднее Поднепровье) демонстрируют высокую плотность размещения поселений и их крупные размеры. Так, в Среднем Поднепровье на ряде участков поселения X–XIII

вв. расположены на расстоянии до 1–2 км друг от друга, а их площадь нередко достигает 10 и более га. В лесной полосе Восточной Европы, где сохранялись очаги подсечно-огневого (лядинного) земледелия на бедных почвах (песчаных, переувлажненных и пр.), поселения располагались разреженно, расстояние между ними достигало 20 и более км. Размеры поселенческих единиц здесь составляли обычно не более 1,5–2,5 га.

Сельские поселения Руси устойчиво тяготели к речным долинам и источникам воды. Такое их расположение диктовалось не только бытовыми, но и экономическими потребностями крестьянства. По рекам шло само сельское расселение, они же служили транспортными артериями, являлись источником природных богатств, необходимых для развития земледелия и животноводства. В долинах рек находились «мягкие» и относительно плодородные почвы, луга, промысловые озера и пр. От берегов рек крестьянам легче было сводить лес, освобождая земельные участки под пашни. Располагая поселения у источников чистой воды (кряниц, ручьев), сельчане избавляли себя от необходимости сооружать колодцы.

Топографически селища Руси чаще всего привязаны к участкам береговых террас (нередко мысовидным), а также к пойменным всхолмлениям (останцам террас, дюнам). Высота расположения поселений определялась максимальной высотой подъема уровня воды в реке в период разливов. Чаще всего, поселения имели планировку, подчиненную рельефу местности (очертаниям террас, оврагов, дюн). Обычно селища вытягивались вдоль главного водотока. Застройка сельских поселений могла быть бессистемной и уличной.

Размеры городищ – общинных центров, как и селищ, во многом зависели от экономических возможностей того или иного региона. Так, самые крупные городища характерны для лесостепной полосы Восточной Европы, относительно небольшие (до 1,5–2,0 га) – для лесной зоны. Форма площадок крепостей чаще всего зависела от природных особенностей рельефа. В рассматриваемой нами категории памятников средневековья господствующими формами были подтреугольная или неправильных очертаний. Подпрямоугольные, овальные, округлые площадки фиксируются реже.

Ячейкой сельской застройки, исключительно деревянной, служила крестьянская усадьба (двор), состоявшая из дома, хлевов, сараев, иногда – мастерских. Долгое время считалось, что усадебно-дворовая планировка, предусматривавшая улицы и межусадебные ограды, была характерна исключительно для городов. Раскопки последних десятилетий показывают, что деревянные междворовые ограждения, признаки улиц имеются и на поселениях сельского типа (примеры – поселения Автуничи и Лесковое на Черниговщине, исследованные широкой площадью).

В эпоху Руси крестьяне проживали в деревянных наземных домах, преимущественно однокамерных. Впрочем, эта версия опирается на особенности современной фиксации археологически наблюдаемых остатков. Дома русичей отапливались каменными, глинобитными и каменно-глинобитными печами. Чаще всего, печь располагалась в углу жилого помещения, но она могла сооружаться и по центру дома. Жилища могли иметь углубленные в грунт основания. Стены домов строились в срубной или столбовой технике. В южных регионах Руси широко применялась техника плетневых конструкций, обмазанных глиной, в северных – срубных. Обычная площадь жилых сооружений (без пристроек) составляла 15–25 кв. м. Интерьер дома сельчанина составляли лавки, нары, полати, столы, сундуки. Хозяйственные строения крестьянского двора были представлены погребами, хлевами, амбарами, нередко – и мастерскими.

Проживавшая в сельской местности основная масса населения Руси была напрямую втянута в аграрный сектор производства – важнейший в условиях развития феодальных отношений. По мере феодализации сельских поселений большая часть крестьянства становилась зависимой от государства и конкретных феодалов (князей, бояр и церкви).

В современной историографии по-прежнему бытует явно устаревшее положение о том, что село эпохи Руси было однородным в социальном отношении, т. е. сугубо крестьянским. Находки престижных вещей аристократического быта, особых культовых предметов, дорогого оружия показывают, что состав населения ряда сел был более сложным. Здесь, кроме крестьян, временно или постоянно проживали представители феодальной администрации (чиновники-«старцы»), мелкие землевладельцы (в т. ч. осевшие на землю дружинники), священнослужители и их ближайшее окружение.

3.3. Земледелие и скотоводство. Основой хозяйства сельского населения IX–XIII вв. были земледелие и животноводство. Скучные сообщения письменных источников о восточнославянском земледелии в значительной степени дополняет археология.

Ранней формой восточноевропейского земледелия в лесной полосе выступало подсечно-огневое. Оно не требовало специализированных приспособлений (кроме бороны), поэтому методами археологической науки его наличие определить сложно. Вместе с тем, на такой вид аграрных занятий в ряде случаев указывает палеоботанический анализ зерна из материалов археологических исследований и размещение поселений близ почв, малопродуктивных с точки зрения пашенного хозяйства.

В лесостепных районах Восточной Европы на открытых, лишенных леса участках, практиковалось пашенное земледелие с применением

тягловых животных (волов, позднее – коней). В лесной полосе в эпоху Руси пашенное земледелие распространялось по мере расчистки и вовлечения в постоянный хозяйственный оборот участков земли, ранее занятых лесом и пригодных для освоения. Оно не было возможным без упряжных пашущих инструментов – рала, сохи, плуга. Палеоботанический анализ археологических находок показывает, что основной злаковой культурой, которая возделывалась восточными славянами, было просо. Постепенно возрастала роль пшеницы, ржи, ячменя. В меньшем объеме выращивали овес, гречиху, бобовые культуры (горох, чечевицу и др.), коноплю и лен. Огородными культурами Восточной Европы периода Руси были репа, тыква, лук, чеснок, свекла, капуста, огурцы, садовыми – яблоки, груши, сливы, вишни, малина, смородина и пр.

При раскопках селищ учеными выявляется достаточно представительный набор орудий труда, необходимых в земледелии и в переработке собранного урожая. Это, в первую очередь, железные наконечники пашущих орудий (наральники, сошники, лемехи и ножи-чересла), косы и серпы. Зерновой урожай обмолачивали при посредстве каменных ручных мельниц (жерновов). Жернова изготавливались из туфа, сланца (шифера), известняка и иных пород камня.

Скотоводство играло заметную роль в хозяйстве сельского населения Руси. Условное средневековое стадо состояло из крупного (коровы) и мелкого (козы, овцы) рогатого скота, свиней, лошадей, домашней птицы. Скотоводство обеспечивало людей мясной и молочной пищей, давало ценный материал для ремесленных занятий (кость, рог, шерсть, кожа). Лошади не только использовались на полях, но и служили транспортной силой. В археологическом материале сельских поселений развитие скотоводства отражено, в первую очередь, находками костей домашних животных, конских пут, удил, колокольчиков-ботал и пружинных ножниц, назначенных для стрижки овец.

3.4. Промыслы, ремесла и торговля. Экономика села предполагала развитие промыслов и ремесел. К промыслам следует относить преимущественно те виды деятельности, которые не требовали специальных рабочих помещений (мастерских) или имели временные места там, где добывалось и перерабатывалось сырье. Важнейшим направлением промысловой деятельности населения Руси выступала лесная, полевая и приречная охота. Важные сведения о развитии охоты дают письменные документы, но археологический материал их существенно дополняет. Охотились, главным образом, ради добычи мяса, шкур, а также получения сырья для косторезного производства.

Основные данные о составе добываемых охотой животных дает анализ ископаемых костей из культурных отложений сельских поселений. Наиболее часто в находках археологов встречаются кости кабана, лося,

косули, оленя, зайца, попадаются останки тура, зубра, медведя, волка, лисицы, мелких пушных зверьков и др. Постоянная находка ученых – кости птицы.

Крестьяне-охотники пользовались разнообразным оружием и приспособлениями, некоторые из которых выразительно представлены в археологическом материале. К ним, в первую очередь, относятся железные наконечники копий, метательных дротиков и стрел для лука. Такое оружие могло быть как охотничьим, так и боевым. А вот костяные стрелы, скорее всего, были преимущественно оружием охотничьим. Не вызывает сомнений, что костяные наконечники с притупленным окончанием, предназначались для поражения мелких пушных животных (чтобы не испортить шкурку) и птицы.

О развитии рыболовства есть свидетельства письменных документов, а также многочисленные в археологическом материале металлические крючки, блесны, глиняные грузила для сетей и пр. О развитии лесного пчеловодства (бортничества) говорят находки специальных инструментов – медорезок. Мед часто упоминается в письменных документах.

На нескольких селищах (например, на севере Черниговщины и в пригородном селе летописного Гомеля) в последние десятилетия ученые открыли следы производства смолы и дегтя. Эти продукты лесного промысла важны в строительстве, корабельном деле, медицине. Важным промыслом, который, вероятно, на определенной части поселений носил уже ремесленный характер, являлось косторезное дело. Судя по характеру инструментария (топоры, пилы, долота, сверла, гвозди и пр.), сельские жители хорошо владели навыками строительного, плотницкого и столярного дела. Одними из основных домашних занятий крестьянок были прядение и ткачество, о чем свидетельствуют многочисленные находки каменных и глиняных насадок для веретен (пряслиц), костяных и металлических иголок, остатки самих тканей.

Следы ремесленного производства открыты на многих поселениях сельского типа. По всей территории Руси открыты металлургические, кузнечные, ювелирно-литейные мастерские, собран разнообразный инструментарий, отходы производств, полуфабрикаты и брак, готовая продукция широкого ассортимента и др. Соседство с залежами глины способствовало развитию крестьянского гончарства, болотной (луговой) руды – металлургии железа и кузнечного дела. Примером специализированного поселка металлургов X в. является Нисимковичское селище в Чечерском р-не Гомельской обл., исследованное под руководством автора в 1980-х гг.

На многих сельских поселениях археологи отмечают работу ювелиров-литейщиков, которые из привозных меди, олова, свинца производили женские украшения и иные предметы.

Сельское население Руси, судя по данным историко-документальных источников и археологии, было вовлечено как во внутреннюю, так и во внешнюю торговлю. Не следует преувеличивать объем «натуральности» сельской экономики IX–XIII вв., акцентируя внимание на ее «замкнутости». В сельскую местность массово ввозились изделия из овручского сланца (шифера), главным образом, веретенные пряслица (залежи этого камня находятся на севере Украины), культовые предметы из цветных металлов (произведенные в городах), железные изделия высокого качества изготовления. На селищах и прилегающих к ним могильниках встречается немало предметов иноземного происхождения (монеты Арабского Халифата, Византии, Западной и Центральной Европы, стеклянные и каменные бусы арабо-мусульманского Востока, Индии и пр.). Письменные документы и наблюдения исследователей показывают, что село эпохи Руси поставляло на внутренний и внешний рынки зерно, меха, мед, воск, смолу, деготь, строительный лес, ткани, другое сырье и готовую продукцию.

Археологический материал свидетельствует о том, что условия жизни сельчан предопределялись природно-географическими особенностями среды обитания, уровнем хозяйственного развития и основными занятиями. На Руси крестьяне проживали в деревянных наземных домах, преимущественно однокамерных, отапливаемых каменными, глинобитными и каменно-глинобитными печами. Основу сельской экономики составляли аграрные занятия (земледелие и животноводство), лесные, речные и домашние промыслы (охота, рыболовство, смолокурение, прядение, ткачество, обработка кости и др.). Вместе с тем, на ряде сельских поселений прослеживаются признаки ремесленной деятельности (гончарного, кузнечного, ювелирно-литейного дела и пр.). Сельское население участвовало как во внутренней, так и во внешней торговле.

Вопросы для самоконтроля

1. Почему интерес историков и археологов к сельским поселениям лесной и лесостепной зон Восточной Европы проявился только с середины прошлого века?
2. Охарактеризуйте объективные причины возникновения малых и крупных размеров сельских поселений эпохи Руси.
3. Назовите крупнейших исследователей средневековых поселений Восточной Европы советского и постсоветского времени.
4. В чем вы видите главные отличия сельской экономики от городской и что между ними общего?

Лекция 4.

Погребальные памятники сельского населения

4.1. Кладбища сельского населения: общая археологическая характеристика.

4.2. Материалы могильников как источник по этнокультурной истории Руси.

4.3. Язычество и христианство по данным изучения погребальных памятников.

Рекомендуемая литература

1. Археология Украинской ССР: в 3 т. / под ред. И.И. Артеменко. – Киев: Наукова думка, 1986. – Т. 3. – 576 с.

2. Моця, О.П. Населення Південно-руських земель IX–XIII ст. (за матеріалами некрополів) / О.П. Моця; під ред. М.П. Кучері. – Київ: ІА АН України, 1993. – 160 с.

3. Мусин, А.Е. Христианизация Новгородской земли в IX–XIV веках. Погребальный обряд и христианские древности / А.Е. Мусин; под ред. А.Н. Кирпичникова. – СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 2002. – 272 с.

4. Никольская, Т.Н. Земля вятичей: к истории населения бассейна верхней и средней Оки в IX–XIII вв. / Т.Н. Никольская; под ред. В.В. Седова. – М.: Наука, 1981. – 296 с.

5. Седов, В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв. Археология СССР / В. В. Седов // М.: Наука, 1982. – 328 с.

6. Спицын, А.А. Расселение древнерусских племен по археологическим данным / А.А. Спицын // Журнал Министерства народного просвещения. – 1899. – Август. – Т. 8. – С. 301–340.

7. Финно-угры и балты в эпоху средневековья / под ред. Б.А. Рыбакова. – М.: Наука, 1987. – 512 с.

4.1. Кладбища сельского населения: общая археологическая характеристика. Погребальные памятники IX–XIII вв. – массовая категория, важнейший вид археологических древностей Руси, которые традиционно изучаются историко-археологической наукой. Исследование захоронений дает возможность составить научное видение не только материальных аспектов культуры, но и духовной сущности разных социальных групп населения Руси, в первую очередь, главнейшей – крестьянства.

В рассматриваемый период истории сельских жителей хоронили, следуя народной дохристианской традиции, преимущественно в курганах – земляных насыпях округлой (реже – овальной, удлиненной или иной) в плане формы. В разрезе курганы имели полусферические, блинообразные или конусообразные очертания. Высота восточнославянских курганов обычно колеблется от нескольких десятков сантиметров до 4–5 м, диаметр – от 3–4 м до 25–30 м. Впрочем, курганы-гиганты на сельских могильниках крайне редки, чаще всего встречаются насыпи высотой от 0,4 до 1,5 м и диаметром не более 10–15 м. Курганы сооружали из местного грунта: песка, супеси, суглинка, а в некоторых регионах – из земли, насыщенной камнями.

На севере Руси (Новгородчина и сопредельные районы) встречается особая разновидность курганов, которая вслед за народной традицией, получила наименование сопок. По своим размерам сопки заметно превышают обычные курганные насыпи. Некоторые исследователи полагают, что сопки связаны с погребальными традициями дославянского, вероятно, финского населения.

На юго-западе Руси рано распространяются грунтовые захоронения, перекрытые каменными плитами. На основной территории восточнославянского расселения грунтовые погребения (без внешних наземных признаков или с каменными выкладками на поверхности – т. н. жальничные могилы) начинают вытеснять курганы с XII в. В отдельных регионах (например, в бассейне р. Оки) курганный обряд широко распространен и в XIII в., по мнению некоторых белорусских археологов, рецидивы курганного обряда на землях Беларуси отмечаются даже в XV–XVII вв.

Восточноевропейские курганные могильники иногда насчитывают до нескольких тысяч насыпей. Однако, к погребальным памятникам сельского населения они не имеют прямого отношения. К местам захоронений крестьян (во всяком случае, в лесной полосе) уверенно можно относить кладбища, насчитывающие примерно до 100 курганов.

Крестьянские кладбища устраивались на ровных сухих площадках на берегах рек, ручьев и озер. Обычно они располагались или на окраинах соответствующих им поселений, или на отдалении не более 1 км от них. В тех случаях, когда это позволял рельеф местности, курганы старались сооружать на самых высоких его точках. На ручьях и небольших речках могильники и селища могли размещаться на противоположных берегах водотоков.

Погребальный обряд большей части населения Восточной Европы в эпоху Руси прошел путь от захоронений способом кремации (трупосожжения) до ингумаций (труположений). Смена обрядности происходила преимущественно на рубеже I и II тыс. н. э.

4.2. Материалы могильников как источник по этнокультурной истории Руси. Повесть Временных Лет называет более десятка восточнославянских и несколько неславянских «племен», вошедших в состав Руси. Впрочем, летописные сведения настолько бесценны, настолько лаконичны.

В конце XIX в. выдающийся российский археолог А.А. Спицын сопоставил данные летописи и материалы археологических исследований курганов территории Восточной Европы. Систематизируя и картографируя материалы раскопок многих ученых, он пришел к выводу о том, что большей части упомянутых ПВЛ «племен» соответствуют ареалы распространения определенных женских металлических украшений из курганных захоронений. Это заключение блестяще подтвердилось изысканиями последующих поколений археологов и является достоянием современной археологической науки.

Изучение погребений показывает, что для женского убора новгородских словен были характерны проволочные щитковые, вятичей – семилопастные, радимичей – семилучевые, северян – спиральные, кривичей – браслетообразные височные кольца, южных групп восточных славян (полян, древлян, волынян, хорватов, уличей, тиверцев) – различные варианты перстнеобразных височных колец, дреговичей – крупнозерновые бусы и кольца с такими же бусами.

Определяя ареалы расселения тех или иных групп населения в эпоху Руси, современная археология учитывает как специфику украшений, так и детали погребальной обрядности.

На севере Восточной Европы у озера Ильмень летописец размещает словен ильменских (новгородских). В материалах археологических раскопок могильные древности словен IX–X вв. представлены насыпями с погребениями по обряду сожжения. В XI в. распространяются курганы с захоронениями по обряду трупоположения на горизонте и в яме. Как и прочие славяне, словене помещали умерших головой на запад. Контакты с финно-угорским населением отразились в некотором распространении обрядности положения покойников в меридиональном направлении (головой на север или юг). Влиянием соседей также объясняются трупоположения в сидячей позе, особенно характерные для Ижорского плато.

Этноопределяющим украшением женских погребений новгородских словен выступают проволочные щитковые височные кольца, характерные для погребений как курганного, так и послекурганного периодов (XI–XIV вв.). В захоронениях словен также представлены металлические детали головных венчиков, нагрудные подвески, браслеты, перстни, пряжки, стеклянные, хрустальные, сердоликовые бусы и др. В XII в. в Новгородской земле на смену курганным насыпям начинают приходиться

грунтовые кладбища – жальники (наименование происходит от старославянского «жаль» – гробница).

Погребальные памятники кривичей псковских исследованы археологами в бассейне р. Великая, впадающей в Псковское озеро, в бассейнах Шелони и Ловати, а также в верховьях Западной Двины. В IX–X вв. местное население насыпало здесь курганы с трупосожжением (преимущественно с помещением кремированных останков в верхних частях насыпей), примерно на рубеже X–XI вв. распространяются трупоположения на горизонте, с XII в. – в подкурганной яме. Погребальный инвентарь могил кривичей псковских скромный и имеет общевосточнославянский облик.

Летописец сообщает о том, что бассейн р. Ока был заселен вятичами, получившими свое имя от вождя Вятко, брата летописного Радима. В Поочье, согласно археологическим исследованиям, распространены курганные могильники с трупосожжением и трупоположением. В ранних курганах вятичей зафиксированы сожжения, остатки которых помещены в глиняные урны. Иногда остатки кремаций помещались в деревянные камеры-ящики. Большая часть вятичских курганов с сожжением датируется VIII–X вв. В XI в. у вятичей распространяется обычай погребения умершего на горизонте, в конце XII в. – в подкурганной яме. Этноопределяющим украшением вятичских погребений по обряду трупоположения выступает семилопастное височное кольцо. В женских погребениях встречено большое количество перстней, браслетов, шейных гривен, бус и пр.

Летописные северяне (севера, север) расселялись в среднем течении Десны, бассейне Сейма и верховьях Сулы. Ранние курганы северян (IX–X вв.) демонстрируют господство обряда кремации. Сожжения в урне и без нее обычно располагались в верхней части насыпи. В конце X в. распространяются курганы с трупоположением на горизонте, с XI в. они сосуществуют с трупоположением в яме. Почти все изученные погребения ориентированы на запад. Этноопределяющим украшением северянских женщин является проволочное спиральное кольцо. В курганах северян встречаются перстнеобразные проволочные кольца, бусинные ожерелья, металлические детали головных венчиков, бубенчики, подвески-лунницы и др.

Древности летописных уличей и тиверцев, обитавших на границе со степью в настоящее время археологами надежно не идентифицированы.

Хорваты (не путать с южнославянскими хорватами) летописцем названы, но с достаточной степенью точности не локализованы на карте. Согласно данным современной археологии и топонимии, хорваты занимали северные и южные районы Восточного Прикарпатья. В.В. Седов локализовал хорватов в области Верхнего Поднестровья. Курганный обряд захоронения не характерен для этого региона. Впрочем, здесь известны

единичные курганные могильники с трупосожжением и трупоположением. Большинство предполагаемых памятников хорватов представлено грунтовыми могилами с трупоположениями, которые датируются X–XIII вв. Такие захоронения в настоящее время не имеют никаких наземных признаков, либо перекрыты каменными плитами. В ряде могил встречены металлические и стеклянные украшения. Хорватки носили малые проволочные перстнеобразные височные колечки нескольких разновидностей.

Племя полян летописец размещает в районе Киева, т. е. в Среднем Поднепровье. Археология показывает, что уже с X в. в данном регионе получают распространение подкурганные погребения-ингумации в ямах. Для погребений полянок характерны общеславянские проволочные височные перстнеобразные колечки.

Летописец помещает древлян рядом с полянами, называет их племенной центр – Искоростень (он был разрушен княгиней Ольгой после гибели ее мужа, великого князя киевского Игоря). Археологи отводят древлянам территорию низовий правобережной Припяти с притоками и бассейн правого притока Днепра Тетерева. Ранние курганы древлян содержат погребения-кремации, погребальные насыпи XI–XII вв. – ингумации, ориентированные преимущественно на запад. Большинство ингумаций совершено на горизонте. Исследователи считают особенностью древлянских курганов не специфический набор женских украшений (он здесь общеславянский), а присутствие в насыпях курганов большого количества золы, угля, зольно-угольных прослоек, перекрывающих погребения.

В бассейне Буга летописец размещает летописное объединение волян, которое, по-видимому, ранее входило в дулебский племенной союз и именовалось бужанами. Археологические памятники волян, преимущественно курганные могильники с погребениями по обрядам трупосожжения и трупоположения, отмечаются в бассейне р. Западный Буг и на правобережных притоках верхнего течения Припяти – Турьи, Стыри и Горыни (главным образом, на территории Ровенской обл. Украины). Могилы волян с трупоположениями в ямах появляются вместе с трупоположениями на горизонте и сосуществуют на протяжении X–XIII вв. Значительная часть могил волян не содержит выразительного погребального инвентаря. В женских захоронениях встречаются проволочные перстнеобразные височные колечки и иные предметы общевосточнославянских типов.

На основании обряда погребения и характера предметов заупокойного культа археологи определяют курганные и грунтовые могильники неславянского населения Руси (тюркских кочевников на юге лесостепи, ятвягов, латгалов, литвы на западе современной Беларуси,

финно-угров на северо-западе, севере и северо-востоке европейской части современной России).

Изучение отанков крестьян из древнерусских кладбищ показывает, что средняя продолжительность жизни восточных славян, балтов и финнов в эпоху Руси составляла в среднем 35-36 лет (для отдельных регионов – от 31 года до 38 лет). При этом учеными отмечается, что женский средний возраст был несколько ниже, вероятно, из-за высокой смертности при родах. На общую оценку продолжительности жизни влиял высокий процент младенческой, детской и подростковой смертности. Средний рост мужчин-сельчан составлял около 161 см, женщин – 157 см. Рост горожан был выше на несколько см.

4.4. Язычество и христианство по данным изучения погребальных памятников. До рубежа I–II тыс. н. э. большая часть населения Восточной Европы оставалась языческой. Материалы раскопок погребальных памятников дают обширную историческую информацию о верованиях рядовых жителей села.

В большинстве регионов Руси вплоть до конца X в. господствовал языческий по своей сути обряд сожжения тела умершего. Останки (кремированные кости) обычно помещали в подкурганые ямки, на основание (горизонт) кургана, в его насыпь, на поверхность курганной насыпи. Часто вместилищем праха умерших служили глиняные (лепные и круговые) и (возможно) берестяные или деревянные сосуды-урны.

Широко распространенный вплоть до XII–XIII вв. у восточных славян подкурганный обряд захоронения также имел глубокие языческие корни. Многими учеными отмечается, что на всех этапах его существования (даже в XIII в.) использовался огонь в культовых действиях (обжигание основания курганной насыпи, сожжение деревянных погребальных конструкций, разведение костров в околочурганых ровиках и т. д.).

Языческие могилы Восточной Европы эпохи раннего средневековья, в прямой связи с дохристианскими религиозными представлениями восточных славян и их соседей о возрождении не только души, но и тела, сопровождалась различными украшениями (головными венчиками, височными кольцами, шейными обручами-гривнами, бусинными ожерельями, подвесками, браслетами, перстнями), предметами повседневного быта, орудиями труда (ножами, пряслицами, серпами, глиняной посудой и пр.), а в некоторых случаях – и предметами вооружения.

Значительную роль в погребальном инвентаре языческих могил восточных славян и их соседей играли разнообразные амулеты-обереги (например, сверленные клыки медведя, волка, бобра или вепря), металлические подвески с солнечной и лунной символикой и пр. Впрочем,

по мнению ряда исследователей, роль амулета-оберега в раннесредневековом захоронении мог выполнять любой предмет, помещенный в него преднамеренно.

С конца X – начала XI вв. под влиянием христианства языческое трупосожжение сменяется трупоположением (правда, первые ингумации в ряде регионов появились примерно на столетие раньше), а к концу XII–XIII вв. на большей части территории Руси курганные могильники сменяются бескурганными.

Крещение Руси в конце X в. и создание институтов православной церкви по всей ее территории положило начало массовой христианизации восточноевропейских язычников. Распространение новой веры было процессом продолжительным, что нашло свое яркое отражение в археологическом материале.

Языческое и христианское начала долго сосуществовали. Археологический материал достаточно ярко освещает такое специфическое явление как «двоеверие», иначе – «языческо-христианский синкретизм» в среде сельского населения. Последние оплоты «живого» язычества (в первую очередь, материализованные в местах отправления древних культов – святилищах) как массовое явление угасают только к середине XII–XIII вв.

Крестьянское мировоззрение определялось долгим сохранением традиционной народной культуры, языческой по своей сути, испытывавшей после крещения Руси постоянно возрастающее влияние христианства. О решительном утверждении последнего в духовной жизни сельского населения на основании археологических данных можно говорить применительно с XII–XIII вв.

Вопросы для самоконтроля

1. Какую роль играет историко-археологическое изучение погребальных памятников в реконструкции этнокультурной карты Восточной Европы конца I – начала II тыс. н. э. ?

2. Покажите на конкретном историко-археологическом материале возможности современной науки определять памятники различных этнокультурных групп населения Восточной Европы древнерусского периода.

3. Какие явления, рассматриваемые историей и археологией, могут быть положены в основу реконструкции ареалов расселения восточнославянских племенных объединений ?

4. Покажите связь исторических изменений в идеологии населения Руси с изменением погребального обряда, фиксируемого археологической наукой.

Лекция 5.

Крестьянские могильники эпохи Руси на землях Беларуси

- 5.1. Погребальные памятники на Беларуси: общая характеристика.
- 5.2. Радимичские и дреговичские древности.
- 5.3. Курганы полоцких и смоленских кривичей.
- 5.4. Древности средневековых балтов на землях Беларуси и их особенности.

Рекомендуемая литература

1. Богомольников, В.В. Радимичи (по материалам курганов X–XII вв.) / В. В. Богомольников; под ред. О.А. Макушникова. – Гомель: Изд-во ГГУ им. Ф. Скорины, 2004. – 226 с.
2. Жих, М.И. Радимичи (локализация, происхождение, социально-экономическая история) / М.И. Жих // Исторический формат. – 2017. – № 1-2. – С. 12-63.
3. Лысенко, П.Ф. Дреговичи / П.Ф. Лысенко. – Минск: Наука и техника, 1991. – 244 с.
4. Седов, В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв. Археология СССР / В. В. Седов // М.: Наука, 1982. – 328 с.
5. Успенская, А.В. Курганы Южной Белоруссии X–XIII вв. / А.В. Успенская // Труды Государственного исторического музея. – М.: Госкультпросветиздат, 1953. – Вып. 22. – С. 97-124.
6. Штыхаў, Г.В. Крывічы: Па матэрыялах раскопак курганоў у Паўночнай Беларусі / Г.В. Штыхаў; пад рэд. М.А. Ткачова. – Мінск: Навука і тэхніка, 1992. – 191 с.

5.1. Погребальные памятники на Беларуси: общая характеристика. На территории Беларуси и сопредельных регионов ученые изучают погребальные древности раннесредневековых восточнославянских объединений радимичей, дреговичей, полоцких и смоленских кривичей, а также соседствовавших с ними восточно- и западнобалтских племен.

Согласно ПВЛ, в Посожье расселялось восточнославянское объединение радимичей, приведенное с запада («от ляхов») легендарным вождем (вероятно, князем) Радимом. В Припятско-Двинском междуречье летопись помещает дреговичей, в окрестностях Полоцка – кривичей-полочан.

Погребальный обряд, как известно, выступает важнейшим источником для реконструкции этнокультурных, демографических,

социально-экономических и иных исторических явлений раннесредневекового общества. Погребальная обрядность радимичей, дреговичей и кривичей-полочан в основном демонстрирует то же историческое содержание и те же хронологические особенности, что и основной массив восточнославянских древностей лесной полосы Восточной Европы.

В IX–X вв. здесь господствуют курганные насыпи с трупосожжением на стороне, с конца X в. – с трупоположением на горизонте и на подсыпке. Захоронения безурновые, помещенные на горизонте или подсыпке. Урновые погребения в лепных и круговых сосудах редки, их инвентарь беден. Самые поздние кремации могли совершаться и в начале – первой половине XI в.

Преимущественно около рубежа XI–XII вв. распространяются подкурганные ямные ингумации.

На основной территории расселения радимичей, дреговичей и кривичей-полочан курганный обряд захоронения угасает к середине – второй половине XII в., но в глухих лесных районах доживает до XIII в.

Погребения по обряду трупосожжения обычно не составляют отдельных могильников, обнаруживаются на тех же памятниках, где и погребения-ингумации. Могильники, содержащие только сожжения, встречены в редких случаях. На большинстве кладбищ, которые характеризуются этноопределяющими украшениями радимичей, дреговичей, кривичей-полочан и где обнаруживаются трупосожжения, кремированные захоронения встречаются в небольшом количестве на фоне резко преобладающих ингумаций.

Размещение погребальных памятников в землях радимичей, дреговичей и кривичей-полочан, подтвержденное научным картографированием, объективно отражает закономерности расселения восточных славян в землях Восточной Европы. Большая часть курганных могильников насчитывает 10–60 насыпей, что соответствует кладбищам малодворных крестьянских селений X–XIII вв. Количество курганов в одном некрополе зависит от степени населенности данной местности, продолжительности существования сопутствовавшего ему поселения, в какой-то степени – от уровня развития здесь феодальных отношений и, вероятно, от уровня христианизации крестьянской среды.

Историко-археологическая интерпретация крупных курганных могильников, насчитывавших около 100 и более насыпей, должна проводиться осторожно, поскольку обрядность и характер инвентаря в ряде случаев (особенно при проведении масштабных раскопок) указывают на их существенные отличия от массы рядовых сельских могильников. Крупнейшие некрополи могут являться кладбищами особых (не-сельских или не только сельских) групп населения, как местных, так и пришлых по происхождению. Хорошо изученные памятники такого рода (например,

курганы летописного Изяславля, Избища в Логойском районе Минской области, Мохова в Лоевском районе Гомельской области и др.) показывают полиэтничность оставившего их населения и его сложный социальный состав. По наблюдениям А.В. Шекуна, изучавшего курганы округа летописного Любеча, могильники с числом насыпей, условно превышающим 100, не могут быть причислены к погребальным памятникам исключительно местных жителей IX–XII вв.

Касаясь проблемы «межплеменных» границ, почти все современные исследователи единодушны в том, что «жестких» рубежей между восточнославянскими объединениями в конце X–XIII вв. не было. Большинство из них, подчиненные Русью, активно вовлекаются в процессы феодализации и христианизации. Как некие этнополитические образования они прекращают свое существование. Вместе с тем, летописные «племена» еще остаются этнографическими реалиями, что прослеживается, главным образом, по региональным особенностям женских погребальных уборов. Их картографирование с привлечением некоторых иных наблюдений позволяет очерчивать «межплеменные» рубежи, искать контактные зоны и выяснять причины и условия их формирования.

5.2. Радимичские и дреговичские древности. Научное изучение курганов радимичей и дреговичей началось в конце XIX в. и связано с именами В.Б. Антоновича, В.З. Завитневича, Е.Р. Романова и других известных археологов. В дальнейшем их исследование было продолжено Г.Ф. Соловьевой, В.В. Богомольниковым, П.Ф. Лысенко, А.Н. Плавинским, В.Н. Рябцевичем, О.А. Макушниковым и иными учеными. В.В. Богомольников, П.Ф. Лысенко, Б.А. Рыбаков, В.В. Седов, А.В. Успенская посвятили радимичским и дреговичским древностям свои монографические исследования.

Женские захоронения радимичей по обряду трупоположения конца X–XII вв. характеризуются, в первую очередь, наличием в погребальном уборе семилучевых височных колец. Курганы дреговичей того же времени диагностируются находками зерненных (на проволочном каркасе) металлических бус и проволочных височных колец с такими же бусами. Границей, отчасти разделяющей ареалы распространения крупнозерненных бус и семилучевых колец в Гомельском и Могилевском Поднепровье, является Днепр. Первый тип украшений господствует на его правобережье, второй – на левобережье.

Инвентарь захоронений позволил ученым выделить «дополнительный» ряд женских украшений, которые могли выступать этноопределяющими для погребальных памятников радимичей. Таковыми служили гривны с розеткообразными бляхами на концах, биэллипсоидные, гроздевидные, язычковые и петлистые подвески. Для

дреговичских женских захоронений, кроме зерненных бус, характерны проволочные перстнеобразные полутораоборотные височные кольца. Такие кольца у кривичей и радимичей редки. Графические реконструкции уборов дреговичанок и радимичанок предложены в специальных исследованиях М.А. Сабуровой и Л.В. Дучиц.

Мужские погребения радимичей и дреговичей содержат металлические пуговицы, пряжки, разделительные поясные кольца, кресала, гораздо реже – орудия труда, оружие и др. Общим для женских и мужских захоронений является присутствие в могилах небольших ножей и керамических сосудов.

Под одной насыпью кургана радимичей и дреговичей размещается одно погребение, реже – два, очень редко – более двух. Захоронения нескольких умерших, если они были единовременными, объясняются экстраординарными обстоятельствами.

Труположения радимичей и дреговичей обычно ориентированы на запад (иногда с отклонениями на север и юг), редко встречается восточная ориентировка. Такие особенности обряда могут быть признаны традиционными. В порядке исключения встречается меридиональная ориентировка, погребения в «сидячем» положении. Определенная часть таких захоронений должна быть связана с инфильтрацией в ареалы обитания радимичей и дреговичей иноэтничного населения (балтского и финно-угорского).

Проблема определения ареалов расселения радимичей, дреговичей, кривичей-полочан и иных объединений восточных славян X–XII вв. в целом решена.

Крупные реки не выступали непреодолимыми географическими барьерами. Напротив, они служили объединяющими в экономическом и культурном отношении зонами. Поречья главных магистралей служили «торными» дорогами, а основанные на их берегах крупные поселения – торгово-экономическими центрами. Именно к ним стягивались купцы, крестьяне, ибо здесь создавались торжища. Этническая принадлежность основного населения торжища не имела значения, поскольку торговые связи объективно и решительно ломали старую «племенную» замкнутость, «размывали» ранние политические и этнографические границы.

Вместе с тем, природный фактор должен был оказывать и определенное воздействие на сохранение или формирование неких рубежей между сложившимися исторически этнографическими и территориальными образованиями. «Ограничительными» (препятствующими прямым контактам) факторами выступали в какой-то степени естественные преграды – крупные болота, массивы малоприспособленных для освоения почв.

5.3. Курганы полоцких и смоленских кривичей. Кривичи, согласно ПВЛ, расселились в окрестностях Полоцка и Смоленска. Современные ученые, полагая их некоторое историко-культурное разделение, выделяют кривичей псковских, полоцких и смоленских. Еще в конце позапрошлого века А. А. Спицын определил этноопределяющие украшения смоленско-полоцких кривичанок – провололочные браслетообразные завязанные кольца, которые характерны для курганов с трупоположениями. В полном согласии с летописью археология локализует смоленско-полоцких кривичей в верховьях Западной Двины, Днепра и Волги.

Для ранних кривичей (VIII–X вв.) характерен обряд погребения сожжением в круглых, удлиненных и длинных курганах. Свое наименование последние получили от того, что они достигают в длину 10–20 м, иногда – до 30 м. Такая форма погребальной насыпи за пределами расселения кривичей в Восточной Европе не встречается.

Подкурганые захоронения кривичей урновые и безурновые, они могут располагаться в основании насыпи, в ямках, на разных уровнях насыпи и даже на ее поверхности. В одном кургане может насчитываться от одного до более десятка захоронений. Значительная их часть не содержит погребального инвентаря, а там, где он есть, – представлен преимущественно остатками костюма – стеклянными бусами, металлическими и костяными подвесками, деталями головного убора. Ряд исследователей сближает украшения костюма из ранних курганов кривичей с костюмом восточных балтов.

В конце X в. на смену курганам с разной формой насыпи и обрядом сожжением приходят круглые в плане курганы с трупоположением на горизонте (более ранние) и в яме (более поздние). Курганы широко распространены до XII в. включительно. А им на смену приходят грунтовые могильники.

В конце X–XI вв. кривичи чаще всего хоронили умерших соплеменников в основании кургана, на выжженном горизонте (зольно-угольном слое) по восточнославянскому обычаю – головой на запад. Однако, в некоторых могильниках встречаются захоронения, ориентированные на восток (возможно, это связано с балтскими традициями), на север и юг (такое положение тел характерно для финской погребальной обрядности).

Определяющим украшением кривичанок, как отмечалось выше, выступают крупные (чаще всего, диаметром 6–12 см) провололочные браслетообразные височные кольца, концы которых завязаны. Шейные украшения – ожерелья из стеклянных бус (иногда – с включением каменных). Обычно в ожерельях кривичских женщин отмечается наличие нескольких десятков бусин, в порядке исключения – более полутысячи. В могилах кривичей-полочан, совершенных по обряду трупоположения,

достаточно много следов традиционной народной культуры, овеянной как в обрядности (обжигание основания насыпи кургана), так и в наборе культовых заупокойных предметов (металлические, костяные обереги в виде коньков, уточек, миниатюрных гребешков, ложек, ключей, клыки медведей). Для кривичского погребального костюма (как женского, так и мужского) характерны металлические подковообразные фибулы.

5.4. Древности балтов на землях Беларуси. История балтов на территории современной Беларуси уходит своими корнями в каменный и бронзовый века. До широкого славянского расселения они занимали значительные территории в Понеманье, Подвинье и, вероятно, в Верхнем Поднепровье.

По данным истории, археологии, физической антропологии, языкознания и других наук древнее балтское население, ассимилированное славянами в железном веке и раннем средневековье, сыграло определенную роль в формировании восточнославянских народностей и, в первую очередь, белорусов. Активная ассимиляция балтских этнических групп продолжалась вплоть до XII–XIII вв. и позднее.

В Беларуси широко известны погребальные памятники восточных балтов. Наиболее полно исследованными являются так называемые восточнолитовские курганы. Они отмечены на территории восточной и юго-восточной Литвы и в северо-западной Беларуси, от среднего течения Немана на западе до оз. Свирь на востоке, от верховьев р. Швянтойи на севере до бассейна р. Мяркис на юге. Одна их принятых в историко-археологической науке датировок восточнолитовских курганов – IV–XII (начало XIII) вв.

Крупные исследования памятников рассматриваемой культуры начались в середине XIX в. и продолжаются по сей день (работы К.П. и Я.П. Тышкевичей, А.К. Киркора, А. Таутавичуса, Р. Куликаускаене, Я.Г. Зверуго и других ученых).

Восточнолитовские могильники обычно небольшие и составляют несколько десятков насыпей, но есть памятники, составляющие до 200 курганов. В плане курганы круглые, нередко в их конструкции используются каменные выкладки. Ранние восточнолитовские курганы (IV–V вв.) содержат погребения по обряду труположения в неглубоких (0,5–1,5 м) ямах. Обычно под одной насыпью находятся захоронения одного, двух, реже – трех человек. Мужские погребения восточнолитовских могильников ориентированы головой на запад, женские – на восток. В мужских захоронениях встречаются предметы вооружения и воинского снаряжения (копья, топоры, остатки щитов, шпоры, ножи, поясные пряжки, фибулы). Для погребений женщин характерны шейные гривны, браслеты, височные кольца, реже встречаются

топоры, пряслица, ножи, шилья. В V–XII вв. распространен обряд трупосожжения. Остатки кремаций обычно располагались в основании насыпи, в неглубоких ямках ниже горизонта или в самой курганной насыпи. В мужских погребениях VI–VIII вв. характерными являются разнообразные предметы вооружения. В курганах рубежа I–II тыс. н. э. часто встречаются захоронения коней.

Еще со времен А.А. Спицына было принято считать, что восточнолитовские курганы принадлежат восточным балтам, скорее всего, аукштайтам. Впрочем, некоторые исследователи полагают, что они могли быть оставлены несколькими литовскими племенами. В.В. Седов придерживался мнения о том, что восточнолитовские курганы принадлежат летописной литве.

Погребальные древности западных балтов – ятвягов (ятвези) – на территории Беларуси исследовались в междуречье Немана и Вилии. В конце I – начале II тыс. н. э. здесь распространены курганы, насыпанные из земли с большим количеством камней (так называемые «каменные» курганы). Они содержат погребения по обряду трупосожжения. Инвентарь захоронений включает керамические сосуды, стеклянные бусы, металлические браслеты, перстни, гривны, железные наконечники копий и ножи.

Начиная с XI в. в «каменных» курганах уже практикуется обряд трупоположения. Умерших располагали в основании кургана или в могильных ямах. Обычно погребенные ориентированы головой на запад, но встречается и восточная ориентировка. В женских погребениях находят преимущественно перстнеобразные височные колечки, остатки металлических головных венчиков, изредка – стеклянные бусы. В мужских захоронениях встречаются поясные пряжки, топоры, копья, кресала.

С XII в. на смену курганам приходят «каменные» могилы – визуально малозаметные погребальные сооружения, выложенные камнями. Они содержат ингумации. По-видимому, самые поздние погребальные памятники такого рода сооружались даже в XVI–XVII вв.

Вопросы для самоконтроля

1. Какие черты погребального обряда характеризуют культуру летописных радимичей?
2. Что общего и особенного в курганных захоронениях восточных славян на землях Беларуси?
3. В чем заключается специфика погребальных памятников полоцких и смоленских кривичей?
4. Назовите специфические черты балтской погребальной обрядности на белорусских землях.

Лекция 6.

Города Руси: общая археологическая характеристика

6.1. Города Руси и их историческое содержание.

6.2. Пути происхождения городов.

6.3. Этапы развития городской жизни.

Рекомендуемая литература

1. Горюнова, В.М. Городок на Ловати X–XII вв. (К проблеме становления города Северной Руси) / В.М. Горюнова. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2016. – 352 с.

2. Данилова, Л.В. Деревня и город на стадии их первоначального обособления / Л.В. Данилова // Взаимосвязи города и деревни в их историческом развитии. – М.: Наука, 1989. – С. 195-198.

3. Куза, А.В. Малые города Древней Руси / А.В. Куза. – М.: Наука, 1989. – 168 с.

4. Левко, О.Н. Витебск / О.Н. Левко; под ред. А.А. Кавалени (гл. ред.) [и др.]. – Минск: Беларус. навука, 2010. – 335 с.

5. Міста Давньої Русі / Наук. Ред. П.П. Толочко. – Київ: Стародавній світ, 2014. – 532 с.

6. Рыбаков, Б.А. Ремесло Древней Руси / Б.А. Рыбаков. – М.: Госиздат, 1948. – 792 с.

7. Тихомиров, М.Н. Древнерусские города / М.Н. Тихомиров. – М.: Госполитиздат, 1956. – 447 с.

8. Толочко, П.П. Древнерусский феодальный город / П.П. Толочко; под ред. С.А. Высоцкого. – Киев: Наукова думка, 1989. – 256 с.

9. Фроянов, И.Я. Города-государства Древней Руси / И.Я. Фроянов, А.Ю. Дворниченко. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1988. – 269 с.

6.1. Города Руси и их историческое содержание. Города возникают еще на заре цивилизации, в эпоху Древнего мира вместе с формированием первых государственных образований. Первобытное общество городов не знает. По мнению ученых-материалистов, появление городов возможно только при наличии в том или ином общественном организме достаточного количества прибавочного продукта. На Руси он производился, главным образом, в сельской среде, а потреблялся и перераспределялся – в городах, замках, торгово-ремесленных поселениях.

К середине 1980-х гг. ведущие советские археологи пришли к выводу о том, что древнерусским городом можно считать постоянный населенный пункт, в котором с обширной сельской округи-волости концентрировалась, перерабатывалась и перераспределялась большая часть произведенного там прибавочного продукта. В современной

постмарксистской науке это определение подвергается критике, но не всегда объективной. Так, например, указывается, что ряд городов Руси возник раньше своей аграрной округи, но убедительных историко-археологических обоснований тому не приводится. Города и политически (центры властвования), и экономически (ремесленная переработка продуктов села) неразрывно были связаны с окружавшими их обширными сельскохозяйственными районами – волостями (областями).

В IX–X вв. значительная часть дани, взимаемой с подвластного Киеву населения, свозилась в расположенные на пути княжеского полюдья поселения-станы. Такие поселки выполняли роль складов продукции земледелия, животноводства, разнообразных лесных и речных промыслов, предназначенных для отправки в столицу и другие крупные центры государственного управления.

Ранние города отличались тем, что они были постоянными, а не временными населенными пунктами. В городах было больше возможностей для переработки прибавочного продукта, нежели в прочих административно-хозяйственных и военных центрах.

Археологи указывают основные «внешние» признаки городов Руси, подчеркивая, что важнейший из них – наличие оборонительных сооружений. Сам термин «город» («град») имеет древнее происхождение и широко использовался в эпоху Руси. Им обозначались поселения или их составные части, имевшие укрепления («ограды», «ограждения»).

«Классический» город Руси состоял из нескольких социально-топографических частей. Ядром городского организма, его «сердцем», была относительно небольшая по площади его часть – детинец, т. е. собственно крепость, цитадель. Детинцы возводились в стратегически важных с точки зрения обороны местах, чаще всего, на высоких отрогах речных террас при устьях небольших речек и ручьев. Они были защищены валами с крепостными стенами и рвами. В большинстве городов к детинцам примыкали так называемые околоградя (окольные города), также имевшие собственные оборонительные сооружения. Околоградя в разы и десятки раз превышали по размерам детинцы. К укрепленным частям города «тянули» неукрепленные составляющие – посады. В пригородной зоне размещались слободы и монастыри, на окраинах городской застройки и при храмах – кладбища.

В детинцах обычно располагались органы власти, здесь проживали крупные феодалы и их окружение. Околоградя были заселены горожанами – ремесленниками, торговцами, промысловиками и ариариями. Но археологические исследования показывают, что на окольных городах размещались и крупные феодальные усадьбы, и даже дворы, вероятно, принадлежавшие княжеским фамилиям.

Города были многофункциональными организмами. Важнейшая функция города (рядом исследователей она считается основной) была

административно-политическая. Это подчеркивают летописи и иные письменные источники. Именно в городах сосредотачивались органы феодального управления и проводились народные (вечевые) собрания.

Археология дает дополнительный материал для характеристики этой функции. В городах находят остатки княжеских дворцов (теремов), включая каменные, а также боярских усадеб. Пребывание здесь представителей правящего сословия подтверждается находками предметов престижного быта, дорогого оружия, а наличие институтов государственного управления – свинцовыми печатями князей, посадников (последние связаны с историей Новгорода Великого и Пскова), духовных иерархов.

В экономическом отношении города Руси – это центры развитого ремесла и торговли. В советской историографии данная функция часто считалась основной или главнейшей.

Судя по археологическим данным, городское ремесло было многопрофильным и включало узкоспециализированные направления. Хорошо прослеживается развитие деревянного и каменного строительства, черной металлургии, кузнечного, слесарного, литейного, косторезного и прочих ремесел. В городах обнаруживаются яркие свидетельства развития стеклоделия (например, изготовление бус и браслетов в Киеве), производства наступательного и защитного вооружения (Гомель), кирпича и др.

О городской торговле есть немало упоминаний в письменных источниках, включая берестяные грамоты. Широкое участие городов в торговле подтверждается повсеместными находками шиферных пряслиц и прочих предметов из овручского сланца, гребешков из кавказского самшита, предметов культа (образков, крестиков) киевского происхождения, восточных керамики и каменных бус, византийских стеклянных браслетов и бус, монет Арабского Халифата, Ирана, Византии, Германии, Польши, Чехии, Венгрии, ракушек-каури (их родина – Мальдивские острова) и т. д.

Вместе с тем, торгово-ремесленный фактор в экономической жизни городов Руси преувеличивать не стоит. Археологи столкнулись с упрямыми фактами: даже при раскопках крупнейших городов Руси (Киева, Новгорода Великого, Смоленска, Полоцка и прочих) на усадьбах рядовых и богатых горожан, на феодальных подворьях обнаруживаются типичные инструменты земледельцев – наральники, сошники, серпы и косы. Археологически подтверждается наличие в городах и на их окраинах старопахотных полей. Не менее красноречивы свидетельства занятий горожан стойловым содержанием скота – это слои навоза и специфические артефакты – колокольца-ботала, ножницы для стрижки овец.

Города, в отличие от массива поселений сельского типа, были военно-оборонительными пунктами. Центральные части городов имели

дерево-земляные крепости площадью от нескольких до ста и более га. Раскопками обнаружены остатки рубленых и частокольных стен, а также башен. В городах временно или постоянно пребывали дружинники, сюда стекалось народное ополчение («вои»), здесь работали обслуживавшие их ремесленные мастерские.

Города Руси были культурно-религиозными центрами. Еще в языческие времена здесь располагались крупные капища, хорошо известные по раскопкам в Новгороде Великом, Киеве, Пскове и Турове.

После крещения 988/89 гг. в городах разворачивается массовое строительство церквей и монастырей. Значительная часть древнерусских храмов известна благодаря археологическим раскопкам (ученые изучают их преимущественно по фундаментам зданий и находкам строительных материалов). Археология также дает значимые коллекции предметов церковного обустройства и утвари (колокола, литургические чаши, кадила и пр.), предметов личного христианского благочестия.

Города были центрами культуры и грамотности. Здесь создавались и хранились книги, действовали школы, работала почтовая служба.

Открытие берестяных грамот опровергло ошибочное представление о том, что грамотными были почти исключительно представители феодального сословия: письмом владели многие горожане, включая представителей социальных низов. Относительно редкими, но регулярными находками из городских раскопок являются разнообразные предметы с надписями или отдельными буквами (веретенные пряслица, гребешки, амфоры и др.), инструменты и приспособления для письма (металлические и костяные стили-писала, деревянные церы), металлические книжные застёжки.

6.2. Пути происхождения городов. Почему, как и когда возникает город – одна из самых дискуссионных проблем современной историко-археологической науки, поскольку однозначных ответов на эти вопросы нет. Большинство советских историков полагало, что города Руси возникают одновременно со становлением феодальных отношений и являются продуктом отделения ремесла от сельского хозяйства. В зависимости от представлений о времени начала феодализма (истории первого классового общества на Руси) отправной точкой процесса градообразования называли обычно IX или X в. Такое положение прочно закрепилось в советской историографии после крупных исследований проблемы видными историками прошлого века Б.Д. Грековым и М.Н. Тихомировым. Голоса тех ученых, которые полагали, что истоки восточнославянских городов могут оказаться более ранними, «утонули» на фоне вновь выработанных представлений. Между тем, классик марксизма Ф. Энгельс не без оснований говорил о том, что историю европейских городов нужно отсчитывать с последних моментов существования

«племенного» строя. Только некоторые ученые советской поры полагали, что истоки города на Руси можно и нужно искать в эпохе «военной демократии» и «вождизма», по-другому – в эпохе «племенных княжений» (С.В. Юшков, П.П. Толочко и др.).

Научных оснований для опровержения тезиса о том, что появление города и государственности – это параллельные исторические явления – нет. Но вот время зарождения самой государственности у восточных славян и их иноплеменных «соратников» по созданию Руси вызывает вопросы. Обычно за точку отсчета начала восточноевропейской средневековой державности берется вторая половина IX в., когда, согласно ПВЛ, происходит политическое объединение «Верхней» (Новгородской) и «Нижней» (собственно Киевской) Руси в единое образование. Но летопись прямо говорит о том, что Новгород имел государственную форму организации задолго до призванного Рюрика и Олега Вещего. Летописец недвусмысленно подчеркивал, что легендарный основатель Киева – Кий – был не перевозчиком через Днепр, а князем. Сопоставляя исторические реалии, отраженные в разноплановых письменных документах, Б.А. Рыбаков охарактеризовал княжеский статус Кия и определил время его правления как VI в. Варяг-новгородец Олег Вещий, захватывая Киев в 882 г., убивает двух местных князей-соправителей – Аскольда и Дира.

Византийские и западноевропейские хронисты, говоря о славянах VI–VIII вв., называют их поселения «цивитас» (город, укрепленное место), предводителей – «рэкс» (король) и «архонт» (князь). Вряд ли бы такие термины византийцы адресовали первобытным варварам.

Археология свидетельствует о том, что в VI–VII вв. у восточных славян и их соседей появляются крепости, которые рядом ученых определены как «племенные» или «общинно-племенные» центры (очевидно, те самые «цивитас» иноземных хроник или «грады» летописей). На восточнославянских землях их ярко представляют памятники типа Зимно (Украинское Полесье), Хотомеля (Белорусское Полесье) и Никодимово (Могилевское Поднепровье). Состав археологических находок показывает, что крепости подобного рода были резиденциями племенных вождей, аристократии и воинства. Они были и оборонительными центрами сельских округ, и центрами административно-управленческими. Из иных функций можно предполагать и культовую. На самих городищах или прилегающих к ним селищах прослеживается торгово-экономическая деятельность. Это – явные прообразы будущих городов феодальной поры. Их появление означало, что распад родового строя зашел далеко.

Часть «градов-цивитас» погибает в ходе крупных военных катаклизмов в конце VII – начале VIII в. Эти события были связаны с передвижениями славянских групп населения и набегами кочевников. Сохранившиеся крепости сохраняют функции своих исторических

предшественников. Многие ранние городища существовали и в XI – начале XII в. До времени окончательного включения восточнославянских земель в состав Руси они были очагами местной политической автономии. Но эти укрепленные поселения существовали и позднее, уже под эгидой киевских правителей.

Ряд «градов» послужил первым звеном в истории формирования раннефеодальных городов. Летопись, не указывая начальных дат истории, в связи с событиями конца IX – первой половины X в. называет старейшие на Руси города: Киев, Новгород Великий, Ростов, Полоцк, Ладогу, Белоозеро, Муром, Изборск (все они упомянуты под 862 г.), Смоленск и Любеч (882 г.), Псков (903 г.), Чернигов и Переяславль Русский (907 г.), Пересечен (922 г.), Вышгород и Искоростень (946 г.).

Значительная часть городов Руси обязана своим появлением верховной и удельной государственной власти. Надо полагать, что какие-то новые населенные пункты городского типа возникали в X–XII вв. на месте давно заброшенных центров племенной эпохи и не имели с ними прямой исторической связи, иные – отстраивались на ранее не обжитых местах. Примерами последних могут выступать летописные Туров и Берестье, городища которых были сооружены в конце X или на рубеже X–XI вв. Можно предположить, что прямой исторической связи с «племенными градами» нет и у происхождения тех городов феодальной Руси, которые были названы в честь весьма вероятных «князей-строителей» (Ярославль, Мстиславль, Изяславль, Ростиславль, Ярополч и др.). Некоторые ученые предполагают, что некоторые города феодальной поры ведут свое начало от укрепленных резиденций князей и боярства (замков).

6.3. Этапы развития городской жизни. Истоки города уходят в эпоху «общинно-племенных центров». Однако «настоящие» города феодального времени, которые полностью соответствуют жестким критериям, выработанным исследователями конца прошлого века, выступают на историческую сцену только на исходе XI и в начале XII в., т. е. незадолго до их упоминаний в летописях.

По некоторым наблюдениям и подсчетам (скорее всего, неполным) к середине XIII в. на Руси существовало не менее тысячи укрепленных поселений. Около одной трети из них обладали городскими признаками, фиксируемыми методами археологической науки.

Многие современные ученые, оперируя этими данными, в целом ориентируются на критерии, выработанные несколько десятилетий назад А.В. Кузой. Их можно разделить на следующие рубрики и подрубрики.

I. Экономика: 1) ремесленное производство (мастерские, инструменты, заготовки); 2) торговая деятельность (предметы ввоза, части весов, весовые гирьки, монеты, денежные слитки); 3) промыслы.

II. Административное управление (вислые свинцовые печати и пломбы).

III. Военное дело (наступательное и оборонительное оружие, воинское снаряжение, снаряжение боевого коня).

IV. Монументальное каменное зодчество: 1) храмы; 2) дворцы; 3) оборонительные сооружения.

V. Письменность: 1) эпитафические памятники; 2) инструменты письма; 3) застёжки и накладки для книг.

VI. Феодальный быт: 1) престижные украшения; 2) металлическая и стеклянная посуда; 3) прочие дорогие бытовые предметы.

VII. Топография: 1) усадебно-дворовая планировка; 2) разделение построек по местоположению, размерам и обустройству.

Первым этапом городской жизни является этап ее зарождения. Он восходит к эпохе «военной демократии» и «вождизма» – времени крушения родоплеменного строя (VI–VII вв.). Его правомерно назвать «протогородским». Длится он до конца IX – первой половины X в. Это – время сложения предпосылок для формирования городов феодального периода. Основной функцией племенных и межплеменных центров дофеодального времени была функция резиденций племенной аристократии, в которых в виде добровольных народных взносов и военной добычи концентрируется прибавочный продукт. Второй период можно назвать раннегородским. С известными оговорками его хронологические рамки определяются с первой половины X до середины XII в. В это время города по своему политико-административному и социально-экономическому содержанию еще более отдаляются от сельских поселений. В структуре государства Русь они выполняют функции административно-политических, военно-оборонительных, хозяйственных и культурных центров обширных сельских округ. Серединой XII в. можно датировать начало третьего периода развития городской жизни на Руси. Это – время расцвета городской жизни, идет ускоренный рост как самих городов, так и их количества.

Вопросы для самоконтроля

1. Охарактеризуйте историческую связь между восточнославянскими «племенными» центрами и городами феодальной поры.

2. По каким основным историко-археологическим критериям можно выделить города Руси?

3. Назовите основные социально-топографические части города и покажите их функции.

4. Дайте перечень старейших (до середины X в.) городов Руси, упомянутых летописью.

Лекция 7.

Археология Киева и Новгорода Великого

- 7.1. Киев: краткая историко-археологическая характеристика.
- 7.2. Основные результаты археологических исследований в Киеве.
- 7.3. Новгород Великий: краткая историко-археологическая характеристика.
- 7.4. Важнейшие археологические открытия в Новгороде Великом.

Рекомендуемая литература

1. Древняя Русь. Город, замок, село / под ред. Б.А. Колчина, А.В. Чернецова. – М.: Наука, 1985. – 432 с.
2. Каргер, М.К. Древний Киев: Очерки по истории материальной культуры древнерусского города: в 2 т. / М.К. Каргер. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. – Т. 1. – 579 с.
3. Новгород и Новгородская земля. Искусство и реставрация. Материалы VII научно-практической конференции, 27-29 сентября 2016 г. – Вып. 7. – Великий Новгород, 2017. – 336 с.
4. Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода / под общ. ред. Б.А. Колчина, В.Л. Янина. – М.: Наука, 1982. – 336 с.
5. Новое в археологии Киева / Редкол.: П.П. Толочко [и др.]. – Киев: Наукова думка, 1981. – 455 с.
6. Толочко, П.П. Древнерусский феодальный город / П.П. Толочко; под ред. С.А. Высоцкого. – Киев: Наукова думка, 1989. – 256 с.
7. Толочко, П.П. Киев и Киевская земля в эпоху феодальной раздробленности XII–XIII веков / П.П. Толочко. – Киев: Наукова думка, 1980. – 224 с.
8. Янин, В.Л. Я послал тебе бересту... / В.Л. Янин. – М.: изд-во МГУ, 1975. – 238 с.

7.1. Киев: краткая историко-археологическая характеристика. Киев упомянут в недатированной части Повести Временных Лет как центр княжения полян, основанный легендарными братьями Кием, Щеком и Хоривом.

В IX в. Киев становится столицей восточноевропейского государства, а после его политического распада в XII в. продолжает оставаться крупнейшим духовным центром и значительной экономической единицей Руси. Именно в Киеве в 988/99 г. свершается акт крещения Руси, означавший начало широкого распространения христианства. В эпоху своего расцвета многолюдный и хорошо укрепленный город привлекает внимание иноземцев своими дворами и великолепием храмов. Уже в конце

X в. в Киеве ведется монументальное строительство (княжеские терема и Десятинная церковь).

Положение столицы стягивает в Киев огромные материальные и людские ресурсы, дает ему возможность за половину столетия (при великих князьях Владимире Святославиче и Ярославе Владимировиче) в несколько раз увеличить укрепленную площадь города и возвести мощные крепостные сооружения. В центральной части т. н. «города Ярослава» в первой половине XI в. создается площадь с величественным Софийским собором. Здесь размещается подворье митрополита киевского и проводятся вечевые собрания. Софийский собор, согласно преданию, был заложен на месте победы Ярослава над печенегами. В XI–XII вв. в Киеве сооружаются десятки церквей, основываются монастыри, в т. ч. пещерные. Через укрепленную часть города прокладываются две протяженные улицы, связывающие «города Ярослава и Владимира» с другими частями Киева. Менее значительные улицы образуют сеть кварталов.

В Киеве создается восточнославянская письменность, закладываются основы духовно-исторической общности Руси, формируется государственная идеология всех русичей.

По некоторым историко-археологическим оценкам население Киева в канун монгольского нашествия (1249 г.) составляла порядка 50 тысяч человек.

7.2. Основные результаты археологических исследований в Киеве. Первые археологические раскопки в Киеве начались в XVIII в. Выдающиеся открытия рубежа XIX–XX вв. связаны с именами В.В. Хвойко, Д.В. Милеева, С.П. Вельмина. В первые десятилетия советской власти раскопки продолжали С.С. Гамченко, В.Г. Ляскоронский, Т.М. Молчановский. Крупнейшие исследования средневекового Киева в середине XX в. вела объединенная экспедиция Института истории материальной культуры АН СССР и Института археологии АН УССР под руководством М.К. Каргера. В 1950–60-е гг. значимые научные открытия сделали В.А. Богусевич, В.К. Гончаров, С.Р. Килиевич, Ю.С. Асеев и др. В 1970 г. была создана постоянно действующая Киевская экспедиция, в которой под руководством П.П. Толочко трудилась плеяда выдающихся археологов Украины; научные исследования велись во всех исторических частях Киева, преимущественно – в зонах новостроек.

Широкомасштабные полевые изыскания проводят современные украинские исследователи. Археологии Киева посвящены многие тысячи публикаций ученых разных поколений.

По материалам археологических исследований хорошо прослеживаются все этапы истории раннего Киева, от его зарождения около полутора тысяч лет назад до разгрома монгольскими ордами в середине XIII в.

Город вырос на крутых берегах коренной террасы Днепра несколько ниже места впадения в него Десны. Работы археологов показали, что киевские возвышенности были широко освоены еще в бронзовом и раннем железном веке.

Раскопки подтвердили догадку Б.А. Рыбакова (основанную на сообщениях восточнославянских, армянских и византийских письменных источников) о том, что Киев в качестве центра объединения славян Среднего Поднепровья существовал уже в VI в. Культурные слои, остатки жилых и хозяйственных сооружений, отдельные артефакты третьей четверти I тыс. н. э. обнаружены на горах Старокиевской, Детинке, Щековице, Киселевке, на подножии киевских высот – Подоле. В это время здесь проживали носители раннеславянской пражской культуры. На Старокиевской горе открыт ров и остатки вала древнейшего городища. Находки керамики датируют эти сооружения VII–VIII вв.

Археологические раскопки подтверждают раннегородской статус Киева IX–X вв., соответствующий уровню столицы Руси. В конце I тыс. н. э. Киев состоял из агломерации неукрепленных и укрепленных поселений (на горах Киселевка, Щековица, Детинка, на Подоле и др.). Военно-административным центром Киева становится городище на Старокиевской горе. На Подоле – участке раннего города, примыкающем к Днепру, – ученые прослеживают усадебно-уличную планировку, которая формируется не позднее конца IX в.

Полевые исследования ученых на древнейших киевских могильниках выявляют высокий уровень социально-имущественной неоднородности городского населения в последние века I тыс. н. э. Со второй половины VIII в. Киев активно включается в торговые отношения с арабо-мусульманским миром, о чем свидетельствуют многочисленные находки серебряных дирхамов и кладов восточных монет. Уже в конце IX в. на киевском Подоле складывается присущая городам улично-дворовая планировка, а в X в. в Киеве работают специализированные ремесленные мастерские.

Стремительное развитие Киева отчетливо наблюдается со второй половины X – начала XI в., когда он выступает крупнейшим административно-политическим, экономическим, военно-оборонительным и культурным центром Руси. Археология подтверждает и дополняет свидетельства письменных источников. Статус столицы крупного государства способствовал развитию городской торговли и ремесел. Верховная власть получила в свое распоряжение огромные материальные и трудовые ресурсы, которые можно было использовать для всестороннего развития города. Небывалое по размаху военно-оборонительное, монументальное (церковное) и гражданское (княжеские и боярские дворы) строительство ведется в годы правлений Владимира

Святославича и Ярослава Владимировича (конец X – первая половина XI в.). В конце X – начале XI в. площадь киевского детинца («город Владимира») составляла около 10 га. Раскопки и картографические материалы свидетельствуют о том, что при Ярославе Мудром создается новый мощный оборонительный центр Киева, крепостные сооружения которого (валы, рвы, башни, проездные ворота) имели протяженность 3,5 км, а площадь детинца превышала 70 га. Исследования археологов позволили воссоздать одну из главных доминант «города Ярослава» – крепостную башню «Золотые ворота».

Согласно письменным и, главным образом, археологическим данным, киевские мастера владели разнообразными и специализированными ремеслами. Здесь процветали многие отрасли кузнечного дела, строительства, художественного творчества (фресковая роспись, иконопись, книжная миниатюра), стеклоделия (изготовление посуды, оконного стекла, бус, браслетов), ювелирно-литейного ремесла (гравировка, тиснение, зернь, скань, перегородчатая эмаль) и др.

Археологи и историки архитектуры глубоко изучают выдающиеся памятники монументального зодчества эпохи Руси. Раскопки и историко-реставрационные работы в Софийском соборе позволили уточнить время его создания, периоды разрушения и крупных перестроек. Работа археологов подтвердила мнение о том, что в Софии Киевской сохранился один из самых полных в Европе наборов фресок и мозаик, датируемых первой половиной XI в.

В XI в. в Киеве (близ летописного села Берестово) основывается Печерский монастырь, ныне широко известный как Киево-Печерская Лавра. Богатейшая история этого духовного центра православия отражена в выдающихся памятниках церковно-исторического характера, сохранившихся зданиях. Археологи детально изучили остатки Успенского собора, построенного в 1073 г. и уничтоженного в годы Второй мировой войны. Раскопками 1950-х гг. была обнаружена каменная оборонительная стена Печерского монастыря, мастерская по изготовлению стекла и смальты. Археологическими исследованиями 1970-х гг. открыта подземная церковь.

Археология решительно показывает ошибочность мнения об экономическом и культурном упадке Киева во второй половине XII – начале XIII в. Утрата городом политического первенства на Руси отнюдь не остановила его поступательного развития. Продолжает стремительно расти городская территория, строятся новые оборонительные сооружения. В этот период киевская ремесленная продукция (стеклянные браслеты, бусы, посуда, оружие, предметы религиозного культа и пр.) широко расходятся по Руси и вывозятся далеко за ее пределы.

Основными направлениями киевского ремесла «домонгольского» периода продолжали оставаться производство черного металла и

кузнечное дело. В разных местах Киева исследованы скопления криц и шлаков. Ассортимент изделий из черного металла насчитывает сотни наименований. Металлографический анализ предметов кузнечного производства показал, что киевские мастера владели современными методами обработки железа, включая получение стали. Высокого уровня развития достигло ювелирно-литейное мастерство. Киевские ювелиры знали главнейшие секреты литейного искусства европейских стран, Византии и обладали собственными. Широкое развитие получило изготовление стекла и эмалей. Эти производства отмечены находками изделий, полуфабрикатов, инструментов и самих мастерских на Подоле, Старокиевской горе и в других частях исторического центра Киева.

Киев второй половины XII – начала XIII в. оставался политико-экономическим и духовным центром Среднего Поднепровья – одного из самых населенных и процветающих регионов Руси. И только страшный разгром города и Южной Руси в целом в 1240 г. монгольскими войсками под водительством Бату-хана на века отодвинул его величие в прошлое.

7.3. Новгород Великий: краткая историко-археологическая характеристика. В исторической традиции сложилось представление о том, что самый крупный центр на севере Руси – Новгород Великий – всегда был прямым или косвенным политическим оппонентом Киеву. Первое датированное упоминание о Новгороде в летописях относится к 859 г. Согласно поздней Никоновской летописи, тогда «въсташа словени, рекше Новгородци... на Варяги, и изгнаша их за море...». Особенность новгородской истории заключается в том, что Новгород первым на Руси показал модель не княжеского, а республиканского развития. С 1136 г. власть в Новгороде Великом переходит к боярскому вече, которое по своему усмотрению приглашает или изгоняет князя (политические полномочия которого весьма ограничены), во главе правительства стоит избираемый посадник. Основой существования республиканского строя в Новгороде послужили огромные финансовые возможности местного боярства.

Новгород Великий возник на холмах посреди болотистых низин, недалеко от истоков р. Волхов, вытекающей из оз. Ильмень. Река делила Новгород на две основные стороны. Со времен средневековья они назывались Софийской и Торговой. Ядром города на Софийской стороне был детинец площадью 12 га, доминантой застройки на противоположной стороне реки – княжеский Ярославов (Ярославль) двор с вечевой площадью и торжищем. Новгород Великий делился на отдельные части, которые именовались «концами» (Людин, Загородский, Неревский, Славенский, Плотницкий). Вместе с детинцем они образовывали сам город, только укрепленная территория которого в XII–XIII вв. достигала

порядка 200 га. Планировку города определяла густая сеть продольных и поперечных улиц.

Большая часть Новгорода Великого была деревянной, но в городе (особенно интенсивно с XII в.) велось каменное, преимущественно храмовое, строительство. И по сей день здесь сохранились десятки памятников монументального зодчества эпохи Руси: Софийский собор, Нередицкая церковь, храмы Юрьевского и Антониева монастырей и др.

В XII–XIII вв. население Новгорода Великого составляло около 30 – 40 тысяч человек.

7.4. Важнейшие археологические открытия в Новгороде Великом. Древности Новгорода Великого привлекали внимание археологов с XVIII–XIX вв. Начало серьезных научных раскопок в городе было положено в 1870-е гг. Н.Г. Богословским. Систематические археологические исследования в городе начинаются в 1932 г. Новгородской экспедицией под руководством выдающегося советского археолога А.В. Арциховского. В ней принимают участие многие известные исследователи, в т. ч. Б. А. Рыбаков и М.К. Каргер. После Великой Отечественной войны раскопки в Новгороде Великом продолжают десятки археологов. Выдающиеся организаторы исследований – Б.А. Колчин и В.Л. Янин.

Новгородские археологические открытия имеют мировое значение. За время раскопок вскрыто почти 30 тысяч квадратных метров площади средневекового культурного слоя при мощности отложений до 8-9 м. Благодаря уникальной сохранности древесины во влажном слое, на Неревском раскопе удалось обстоятельно изучить целый квартал деревянной застройки, сохранявшей свою преемственность со второй половины X по XV в.

Уже с момента начала своего формирования исторический центр Новгорода Великого был сплошь замощен деревом. Благодаря наличию многоярусных мостовых и оснований сооружений жилого и хозяйственного назначения, а также применению дендрохронологического метода исследования удалось расчленить отложения Неревского и иных новгородских раскопов на десятки хронологических горизонтов и подгоризонтов.

На Неревском раскопе археологи открыли настилы старейших новгородских улиц – Великой и Холопъей. Названия улиц были восстановлены по новгородским планам середины XVIII в. Самый древний ярус мостовых Неревского раскопа (28-й) датируется серединой X в., самый поздний (1-й) – серединой XVI в. Более поздние отложения не сохранили деревянных конструкций. Всего в Новгороде Великом вскрыты участки более десяти улиц эпохи Руси.

Материалы новгородских раскопок дали в распоряжение науки объективные свидетельства того, как реально выглядел городской двор эпохи Руси с хозяйственными и ремесленными строениями, как выглядели улицы. Исследователи Новгорода Великого говорят о широком распространении в городе двухэтажной деревянной застройки. На существование этажности новгородских домов указывают особенности залегания в культурном слое остатков рухнувших печей, находки деревянных лестниц.

Важнейшим археологическим открытием в Новгороде Великом явилось обнаружение берестяных грамот. Первая из них была найдена в 1951 г., тысячная по счету – в 2000-м. Грамоты дали в распоряжение науки уникальную информацию по широкому кругу вопросов: народный язык жителей города и его соотношение с литературным, имена новгородцев и занятия средневековых горожан, цены на товары, имущественный и социальный состав населения и т. д. Большая часть новгородских грамот является обычными письмами. Но найдены, например, и берестяные записные книжки, рисунки 9-летнего новгородца Онцифера, славянская азбука из 36-ти букв.

Археологические исследования Новгорода дали в распоряжение науки интересную информацию о настольных играх человека эпохи Руси. Распространенной игрой была «мельница» (обнаружено свыше 80-ти досок от нее). Найдено более полутора сотен шахматных фигурок. В новгородской коллекции представлены все шахматные фигуры: пешки, кони, слоны, ладьи, ферзи и короли. Шахматные и шашечные фигурки новгородцы резали из дерева, кости и рога. На новгородских раскопках были выявлены музыкальные инструменты. Ранее в археологии Руси они не встречались. Обнаружены остатки четырех видов музыкальных инструментов. Это – гусли (струнный щипковый инструмент), гудки (смычковый инструмент), сопели (духовые инструменты), варганы (самозвучащие железные инструменты). Новгородская коллекция гудков, гуслей и сопелей является самой большой в Европе.

Вопросы для самоконтроля

1. Назовите ведущих исследователей киевской археологии и охарактеризуйте их вклад в историко-археологическое изучение прошлого Киева.
2. Что общее и отличное наблюдается в исторической топографии Киева и Новгорода Великого?
3. Охарактеризуйте важнейшие археологические находки в Киеве и Новгороде Великом.
4. Какое историческое значение имеет открытие новгородских берестяных грамот?

Лекция 8.

Археология Полоцка, Турова, Минска, Бреста

- 8.1. Археологические памятники Полоцка.
- 8.2. Древности Турова.
- 8.3. Памятники Минска.
- 8.4. Средневековый город Берестье.

Рекомендуемая литература

1. Алексеев, Л.В. Западные земли домонгольской Руси. Очерки истории, археологии, культуры / Л.В. Алексеев. – М.: Наука, 2006. – Кн. I. – 290 с.
2. Археалогія Беларусі. У 4-х т. Т. 3. Сярэдневяковы перыяд (IX–XIII стст.) / Рэд. кал. В.С. Вяргей [і інш.]. – Мінск: Беларуская навука, 2000. – 556 с.
3. Древняя Русь. Город, замок, село / под ред. Б.А. Колчина, А.В. Чернецова. – М.: Наука, 1985. – 432 с.
4. Загорюльский, Э.М. Возникновение Минска / Э.М. Загорюльский. – Минск: Изд.-во БГУ им. В.И. Ленина, 1982. – 358 с.
5. Лысенко, П.Ф. Города Туровской земли / П.Ф. Лысенко; под ред. В. В. Седова. – Минск: Наука и техника, 1974. – 199 с.
6. Лысенко, П.Ф. Берестье / П.Ф. Лысенко; под ред. В.В. Седова. – Минск: Наука и техника, 1985. – 400 с.
7. Штыхов, Г.В. Древний Полоцк (IX–XIII вв.) / Г.В. Штыхов; под ред. А. Г. Митрофанова. – Минск: Наука и техника, 1975. – 136 с.
8. Штыхов, Г.В. Города Полоцкой земли (IX–XIII вв.) / Г.В. Штыхов; под ред. В.П. Даркевич. – Минск: Наука и техника, 1978. – 160 с.

В белорусской историографии одна из наиболее полных характеристик историко-археологических признаков города принадлежит Г.В. Штыхову. Исследователь отмечал, что для древнерусского города можно выделить следующие критерии: 1) упоминание о нем в письменных источниках, как о важном населенном пункте, центре определенной округи; 2) наличие детинца и посада, площадь которого в несколько раз превосходит площадь детинца; 3) проживание значительной части населения, которое занималось торгово-ремесленной деятельностью и в какой-то мере было оторвано от земледелия; 4) наличие городской общины. Архитектурно-археологические признаки города, согласно Г.В. Штыхову, следующие: специфический культурный слой с большим количеством стеклянных браслетов, привозных амфор, шиферных пряслиц, бус и наличие в нем писал, энколпионов, браслетов-наручей и

т.п.; вторая линия укреплений; монументальные культовые сооружения; устойчивая тенденция роста детинца или посада.

Э.М. Загоруйский полагает, что у городского поселения должны быть следующие признаки: 1) свидетельства существования местного ремесла и развитой торговли; 2) «городской» характер бытовых находок; 3) достаточно большая площадь укрепленной части поселения; 4) мощь оборонительных сооружений; 5) сложный внутригородской план с элементами благоустроенности; 6) наличие посада; 7) монументальные сооружения.

8.1. Археологические памятники Полоцка. Археология Полоцка (летописного Полтеска, Полотеска, Полтескую скандинавских саг) не случайно привлекает внимание ученых. Многие исследователи полагают, что именно Полоцк и Полоцкая земля были колыбелью зарождения белорусской государственности и народности. Полоцк упоминается летописью уже на самых первых ее страницах (под 862 г.) наряду с Киевом, Новгородом Великим и пр. Там говорится о племенном княжении кривичей-полочан. Впоследствии Полоцкая земля выступает крупным раннефеодальным княжеством, которое борется за свои политические и экономические приоритеты с Киевом и другими соседями.

Два городища Полоцка находятся при впадении реки Полоты в Западную Двину. К детинцу (Верхнему замку) примыкал окольный город (Нижний замок). Вокруг городского укрепленного ядра простирались посады, кладбища (в т. ч. курганные), монастыри. В середине XI в. в Полоцке был построен один из самых больших и величественных храмов Руси – Софийский собор, который в перестроенном виде сохранился и по сей день.

Полоцкое княжество достаточно рано выделилось из политического единства Киевской Руси. Пожалуй, оно оказалось самым «сепаратистски настроенным» по отношению к великокняжеской киевской власти. Одно из более десятка оформившихся еще при Владимире Святославиче княжеств, оно уже с начала XI в. демонстрировало выраженные антикиевские амбиции. Нередко историки объясняют это тем, что сын Владимира Святославича киевского Изяслав был и потомком местного князя Рогволода, по сути, основателем династии Рогволодовичей. Это соответствует документальным источникам.

Но не менее важна геополитическая (а значит и военная, и стратегическая, и экономическая) причина «сепаратистских» устремлений Полоцка. Располагась на Западной Двине, он вплоть до начала крестоносной агрессии с Запада контролировал пути выхода центральных и южных земель Руси к Балтике. В этом плане он составлял серьезную конкуренцию Киеву. Именно этим следует объяснять походы Киева и их союзников (черниговских князей и прочих) на Полоцкую землю, которые

имели место в XI–XII вв. После смерти князя Всеслава Брючиславича (1101 г.) Полоцкая земля распадается на несколько уделов. Крупнейшими удельными центрами, управляемыми местными князьями, становятся Витебск, Минск, Борисов, Друцк. Полоцкими городами были также Изяславль, Лукомль, Усвяты, Орша, Голотическ (последний не локализован учеными) и др. К середине XIII в. Полоцкая земля, ввиду феодальной раздробленности и крестоносной агрессии, приведшей к изъятию у Полоцка торгово-стратегического выхода к Балтике, поэтапно входит в состав Великого княжества Литовского.

Исследования археологических памятников Полоцка велись еще в XIX в., а первые раскопки с серьезной научной постановкой цели и задач начала в первые годы советской власти экспедиция под руководством А.Н. Лявданского. Ученый, несмотря на разведочный характер полевых работ, сумел правильно обозначить основные проблемы полоцкой археологии, определить составные части исторической топографии средневекового Полоцка. А.Н. Лявданский нашел древнейшее Полоцкое городище. Именно об этом поселении говорилось на первых страницах летописи и в скандинавских сагах.

Во второй половине XX в. масштабные раскопки историко-археологического и историко-архитектурного плана провели в Полоцке М.К. Каргер, Г.В. Штыхов, П.А. Раппопорт, С.В. Тарасов и др. Первоначальный Полоцк, возникновение которого обычно относят к IX в., формировался несколько выше места впадения Полоты в Западную Двину. Здесь располагались мысовое городище с примыкающим к нему посадом. В конце X–XI в. укрепленный центр Полоцка по военно-стратегическим соображениям был перенесен в устье Полоты, где образовался Верхний замок.

Изучение культурных отложений средневекового Полоцка показало хорошую сохранность остатков органического происхождения (древесины, кожи и пр.). Здесь выявилась картина, сходная с той, которую археологи наблюдают в Новгороде Великом. Ученые выделили 14 ярусов (периодов) строительной деятельности, которые сохранили нижние венцы срубных домов, мастерских и хозяйственных сооружений, а также участки мощеных деревом улиц. Уже на заре своей истории Полоцк имел улично-дворовую застройку.

На детинце раскопками П.А. Раппопорта открыты остатки каменного здания, которое, вероятно, являлось дворцом («теремом») полоцких князей. Кроме Софийского собора в Полоцке известно еще не менее десяти каменных церквей XI–XIII вв. Большая часть их остатков стала достоянием науки благодаря археологическим исследованиям.

В материалах раскопок Полоцка широко представлен деревообрабатывающий и металлообрабатывающий инструмент, предметы вооружения и воинского снаряжения (включая части доспехов и меч),

разнообразные предметы хозяйства и повседневного быта, встречены вислые княжеские печати, вещи с надписями, шахматные фигурки и пр.

Изучение остатков ювелирно-литейного производства в Полоцке привело некоторых исследователей к выводу о том, что мастер Лазарь Богша, оставивший свой «автограф» на знаменитом кресте Евфросиньи Полоцкой, был полочанином. Впрочем, в науке существует и не менее авторитетная версия о том, что автором этого уникального памятника был киевский ювелир, который учился у византийских мастеров. Впрочем, кем бы ни был Богша, он оставил как для белорусской, так и общеевропейской истории шедевр духовного творчества в его материальном воплощении.

8.2. Древности Турова. Туров относится к древнейшим восточнославянским городам. Он впервые упоминается летописью под 980 г. Туров исторически выступал центром формирования дреговичского княжения, которое продолжало развиваться как политическая единица (Туrowsкое княжество) и в составе Киевской Руси. При раздаче столов своим многочисленным отпрыскам великий киевский князь Владимир Святославич отдает Туров с землей своему третьему сыну – Святополку (правил в 988–1015 гг.). Святополк – неоднозначный персонаж истории Руси. Именно он получил прозвище «Окаянного» после трагической гибели его братьев Бориса и Глеба.

В Турове создается одна из первых на Руси православных епархий (по разным оценкам – около 992 г. или в 1005 г.). Во время княжения Святополка Изяславича (правил в 1087–1113 гг.) его жена, византийская царица Варвара, основала в Турове женский православный монастырь. В Турове жил и творил «златоуст» – писатель и философ Кирилл (Кирила) Туровский (XII в.). Его «поучения» знала вся Русь, ими вооружалась церковь в противостоянии язычеству и неверию. В Турове жил и творил еще один исторический персонаж – Мартин-мних (монах Мартын). Вплоть до конца XII в., когда на Руси воцарилась политическая раздробленность, город оставался административным, военным, экономическим и культурным центром Туровского княжества.

Археологические памятники Турова представлены детинцем, окольным городом и посадами. Они расположены на северо-западной окраине современного Турова на правом берегу Припяти при впадении р. Язды.

Туровский детинец был сооружен среди болотистой низины на острове высотой до 5-6 м над окружающей местностью. Он был окружен мощным земляным валом, который сохранился и по сей день. Небольшие археологические раскопки в Турове вели в 1927 г. А.Д. Коваления и С.С. Шутов, в 1961 г. – В.В. Седов. Крупнейшие исследования (с 1962 г.) в Турове проводила экспедиция под руководством П.Ф. Лысенко. На городище открыты мощные культурные напластования средневекового

периода с остатками деревянной застройки. Самые ранние находки датируются концом X в. Впрочем, это еще не говорит, что «археологическая» история Турова совпадает с «летописной». Поле для работы исследователей здесь безгранично.

Туров дал науке немало уникальных открытий. Экспедицией П.Ф. Лысенко в начале 1990-х гг. обнаружены остатки языческого капища, на месте которого около 1170-х гг. был сооружен каменный православный собор. Туровское капище во многом является историческим аналогом дохристианских святилищ Киева и Новгорода Великого. Фундаменты собора исследовались экспедициями М.К. Каргера 1960-х гг. и П.Ф. Лысенко в 2005 г. Храм был сооружен из плинфы в византийском стиле. П.Ф. Лысенко предполагает, что собор рухнул во время землетрясения 1230 г., описанного в летописи.

Поистине бесценна коллекция артефактов, собранных в Турове. Рассмотрим самые редкие находки. Это – остатки церковных колоколов, свинцовая печать киевского митрополита Кирилла II (1225–1232 гг.), нижняя часть бронзового кадила с изображениями в медальонах святых Георгия, Феодора, Охрима, Иоанна, круглая костяная пластинка с изображением воина-лучника. При раскопках найдены 4 свинцовые вставки-иконки для напрестольного креста. Они датируются XIII–XIV вв. Вероятно, изображения на иконках относятся к образу Богородицы, остальные (с известной долей уверенности) – преподобной Евфросиньи или Анастасии, великомученицы Варвары и святителя Кириллы Туровского.

8.3. Памятники Минска. Минск – город Полоцкой земли – впервые упомянут летописью под 1067 г. (Меньск, Менеск), когда рядом с ним на р. Немиге произошла битва войск коалиции Киева с Всеславом Полоцким. С конца XI в. Минск выступает центром удельного княжества. Городище (детинец) и посады средневекового города расположены на берегу р. Свислочь при впадении Немиги. Исследования проводили белорусские археологи В.Р. Тарасенко, Э.М. Загорульский, Г.В. Штыхов, В.Е. Соболев и др.

Детинец Минска (площадь около 3 га) был отстроен во второй половине XI в. на острове среди заболоченной поймы Свислочи, имел мощные дерево-земляные укрепления. Высота песчано-гравийного вала достигала 8 м. Со всех сторон крепость была окружена водой. Раскопками открыты остатки въездных ворот с башней. Исследовано 13 ярусов деревянной средневековой застройки с элементами усадеб, исследованы настилы нескольких улиц, ширина которых составляла 3–4 м.

Замечательным археологическим открытием в Минске являются остатки белокаменного храма второй половины XI – начала XII вв. (исследования В.Р. Тарасенко и Э.М. Загорульского). По мнению

исследователей, он был выполнен в редкой для Северо-Западной Руси строительной технике (без использования кирпича византийского формата – плинфы).

Население Минска занималось ремеслом, торговлей, сельским хозяйством. В культурных отложениях города найдены инструменты ремесленников и бытовые предметы (кузнечные клещи, топоры, шилья, ножи, ножницы, замки, ключи, кресала), украшения из цветных металлов, деревянные изделия (бочки, ведра, лопаты), кожи (обувь, пояса, ножны), предметы вооружения. К числу уникальных относятся находки мелкой каменной пластики (образков). На одной из минских иконок имеются изображения Божьей Матери и апостола Петра.

8.4. Средневековый город Берестье. Город Берестье (современный Брест) впервые упомянут восточнославянской летописью под 1019 г. Он выступал одним из самых ранних городов на границе Руси и Польши. Детинец Берестья располагался при впадении в Западный Буг левого рукава р. Мухавец. Первые крупные раскопки Берестья (на площади около 2000 кв. м) проводились в конце 1960-х – 1980-х гг. под руководством П.Ф. Лысенко. Исследованиями открыты культурные отложения мощностью до 7 м, которые характеризуются повышенной влажностью грунта, уникальной способностью сохранять древесину и предметы органического происхождения.

Важнейшее археологическое открытие в Бресте – это остатки настилов деревянных мостовых, жилых домов, разнообразных хозяйственных строений (клетей, хлевов, сараев, навесов). Многочисленные постройки относятся к 13-ти строительным ярусам, прослеженным в ходе раскопок.

Основным элементом планировки Берестья, как и прочих городов Руси, были улицы. Они имели ширину от 2,4 до 4,0 м. Застройка города отличалась высокой плотностью. В ходе раскопок выявлены остатки более 200 построек. Деревянные дома Берестья сооружены в срубной технике. Берестейские постройки рубили из круглых бревен в технике «обло» (с выпуском концов). Обычно для строительства использовались хвойные породы дерева (сосна, ель). Полы домов настилались из колотых толстых досок. Во многих берестейских постройках сохранились остатки глинобитных печей (иногда – с применением брускового кирпича), которые чаще всего возводились в углу помещения рядом со входом. Большая часть построек жилого назначения имела площадь от 13 до 37 кв. м. Одно из уникальных открытий – остатки постройки, сохранившейся на 12 венцов. Изученные в Берестье остатки деревянных сооружений значительно расширяют научные знания о планировке и застройке города эпохи Руси.

В ходе раскопок найдены достаточно отчетливые следы металлургического и железообрабатывающего ремесел: кузнечная мастерская, отходы производства и готовые изделия из черного металла. К инструментам мастеров, работавших с ним, относится молот весом около 3 кг. О развитии в Берестье ювелирно-литейного дела говорят находки медной проволоки, глиняных тиглей, каменной литейной формы, металлических пинцетов и др. Жители города занимались строительством и столярным делом (обнаружены топоры, струги, долота, сверла, тесло), торговлей, ремеслом, земледелием, животноводством, охотой, рыболовством, лесными и речными промыслами. В культурных отложениях Берестья выявлены детские игрушки, деревянные колесо и ось от телеги, дубовое рало.

Расположение Берестья в зоне военных конфликтов Руси и Польши отразилось в археологической коллекции, которая представлена наконечниками копий, стрел луков и арбалетов, частями доспехов, шпорами.

В культурном слое Берестья много находок предметов из дерева, кожи, кости и рога, которые характеризуют, в первую очередь, повседневную культуру. Но этот летописный город был центром духовной жизни и грамотности. Здесь найдены гребень с вырезанными буквами кириллического алфавита, металлические стили-писала, шахматная фигурка, свинцовая княжеская печать с изображением святого Дмитрия Солунского.

В 1982 г. на месте раскопок экспедиции Института истории АН БССР под руководством П.Ф. Лысенко был открыт музейный комплекс «Берестье». Главный его экспонат – огромный археологический раскоп с остатками жилых и хозяйственных строений периода Руси. В экспозиции музея представлено свыше тысячи экспонатов, характеризующих раннюю историю города. Музей «Берестье» – уникальный археологический музей восточнославянского города, построенный непосредственно на месте полевых исследований археологов.

Вопросы для самоконтроля

1. Дайте развернутую характеристику археологическим открытиям в Полоцке.
2. Какой естественнонаучный метод датирования широко применяется при раскопках средневековых городов на землях Беларуси и каковы его возможности?
3. Составьте перечень уникальных археологических находок из Полоцка, Турова, Минска и Бреста.
4. В каком летописном городе Беларуси были открыты остатки каменного дворца?

Лекция 9.

Археология средневекового Гомеля

9.1. Гомий: общая историко-археологическая характеристика.

9.2. От поселения к городу.

9.3. Важнейшие находки археологов.

Рекомендуемая литература

1. Археалогія Беларусі. У 4-х т. – Т. 3. Сярэднявяковы перыяд (IX–XIII стст.) / Рэд. кал. В.С. Вяргей [і інш.]. – Мінск: Беларуская навука, 2000. – 556 с.

2. Макушников, О.А. В поисках древнего Гомия / О.А. Макушников. – Гомель: Бел. Агентство научно-технич. и деловой информации, 1994. – 65 с.

3. Макушников, О.А. Гомель с древнейших времен до конца XVIII века. Историко-краеведческий очерк / О.А. Макушников. – изд. 4-е, испр. и дополн. – Гомель: Барк, 2018. – 244 с.

4. Ткачев, М.А. Работы в Белорусском Посожье / М.А. Ткачев // Археологические открытия 1975 года. – М.: Наука, 1976. – С. 427–428.

5. Штыхов, Г.В. Поднепровские и Посожские города Восточной Белоруссии / Г.В. Штыхов // Очерки по археологии Белоруссии: в 2 ч. / редкол.: Г.В. Штыхов, Л.Д. Поболь. – Минск: Наука и техника, 1972. – Ч. II. – С. 125–133.

9.1. Гомий: общая историко-археологическая характеристика. Гомий (в документах конца XIV–XVI вв. – Гомей), исторический предшественник современного Гомеля, впервые упомянут на страницах письменного документа под 1142 г. В летописях XII в. имеются только три сообщения о нем. Лаконичных записей летописцев явно недостаточно для создания цельного представления о ранней истории Гомеля.

Летописный Гомий – самый южный город Посожья. На нем «замыкаются» крупные водные артерии региона – Сож, Ипуть и Беседь. Это может указывать на его выгодное расположение по отношению к «племенной» территории радимичей в плане организации вокруг себя обширной округи. Гомий возник на возвышенной части правобережной террасы р. Сож (22-27 м над рекой).

Первое упоминание восточнославянской летописи о Гомии связано с распрями князей ветвей Рюриковичей – Ольговичей и Мономаховичей. Когда черниговские Ольговичи сражались с Мономаховичами на степном пограничье, Ростислав Мстиславич смоленский поддержал своих родственников погромом волости Гомия. Летопись определенно говорит: в

середине XII в. Этот город принадлежал Черниговскому (Чернигово-Северскому) княжеству, где выступал центром округи-волости и имел крепость.

Второе упоминание о Гомие датировано 1158 г. Потерпев поражение от Изяслава Мстиславича, великий князь киевский Изяслав Давидович (бывший князь черниговский) бежит в Гомий, где собирает дружину и продолжает борьбу за великокняжеский киевский стол.

Третье сообщение летописи относится к 1164 г. После смерти князя Святослава Ольговича черниговский стол занимает Святослав Всеволодович (будущий великий князь киевский). Опережая претендентов на власть, он направляет по городам черниговским наместников, а в Гомий – своего сына. Т. о., во второй половине XII в. Гомий пребывает в составе Черниговского княжества и, скорее всего, становится столицей удела. Позднейшие упоминания города относятся уже к концу XIV в., когда он уже входит в состав Великого княжества Литовского. Летописный «Список русским городам дальним и ближним» относит Гомей к городам киевским.

Известный белорусский исследователь Е.Р. Романов еще в начале прошлого века обратил внимание на археологические памятники Гомеля. Он определил место расположения раннего Гомельского городища на месте дворцово-паркового ансамбля Румянцевых и Паскевичей, очертил территорию укрепленной части города в средневековый период. Первые поисковые археологические работы на Гомельском городище были предприняты в 1926 г. И.Х. Ющенко. В 1975 г. М.А. Ткачев заложил на городище и рядом с ним разведочные шурфы и раскопы. Главный итог этих исследований – открытие культурных слоев и остатков укреплений XI–XIII вв., что позволило ученым локализовать детинец города и его посад.

С 1986 г. в историческом центре Гомеля работает Гомельская археологическая экспедиция под руководством О.А. Макушникова, которая провела раскопки на территории свыше 9000 кв. м, а также выполнила научные наблюдения в местах разрушения исторического культурного слоя. Итоги многолетних полевых исследований ученых позволили воссоздать неизвестные страницы возникновения и ранних этапов истории Гомеля.

9.2. От поселения к городу. Историческое ядро Гомеля – территория современного центрального городского парка. Первоначальное городище располагалось на мысу высокой коренной террасы, образованном Сожем и его малым правым притоком Гомеюком. Оно было отстроено в железном веке на месте поселений эпохи бронзы и в середине I тыс. н. э. выступило организующим центром крупнейшего в Нижнем Посожье раннеславянского поселения. На городище и прилегающих к нему

площадках сожской террасы археологами открыты остатки жилищ, ремесленных сооружений и отдельные артефакты, которые принадлежат носителям колочинской и пражской культур.

В IX–X вв. Гомий приобрел основные черты раннегородского образования. Он состоял из нескольких укрепленных частей и обширных посадов. Расположенный на юге ареала расселения радимичей, ранний город выполнял функции административно-политического и экономического центра радимичского объединения, соседствовавшего с «Русской землей». В это время (если не раньше) в Гомии складывается топоструктура «детинец-окольный град», характерная для ранних восточнославянских городов.

Согласно восточнославянской летописной традиции, радимичи сохраняли автономию от Киева до конца X в. и долгое время их отношения с Русью ограничивались выплатой дани, участием радимичских вооруженных формирований в военных предприятиях великих князей. Отсутствие упоминаний о радимичах в летописях в связи с событиями от начала до конца X в. может означать, что они вышли из прямого киевского подчинения по смерти великого князя Олега Вещего в 912 г. Одним из опорных пунктов радимичской автономии в Посожье был Гомий.

После Пищанской битвы 984 г. Киев решительно ликвидирует племенной сепаратизм радимичей. Гомий прочно входит в состав Киевской Руси в качестве заметного городского образования, организующего вокруг себя обширную сельскую округу. Присоединение Гомия и его волости к державе Владимира Святославича дало им новый импульс развития.

Площадь города в XI в. составляла более 20 га, вокруг него существовали десятки сельских поселений. Основная функция города в этот период – управление аграрной округой. Гомий, бывшее общинно-племенное средоточие, постепенно превращается в региональный центр «окняжения» радимичей.

Расцвет Гомия относится к концу XII – первой половине XIII в. Археологический материал этого периода характеризует Гомий как достаточно крупный город. К началу XIII в. его площадь превышает 60 га. Населенный пункт имел развитую социально-топографическую структуру (детинец, околоградь, посады).

Раскопки детинца показали, что на рубеже XI–XII вв. и около середины XII в. он перепланируется и расширяется. Это наблюдение объективно отражает стремительный рост всего населенного пункта. На детинце Гомия ведутся большие земляные работы.

Первоначальная крепость не соответствовала роли оборонительного, административного и культурного центра растущего феодального города. Крепостные сооружения выносятся в напольную сторону. Одной из причин, побудивших к расширению городища, было начало каменного

строительства на его площадке. Вероятнее всего, первым монументальным сооружением здесь был храм: в археологическом материале представлена плинфа.

Гомий летописного периода имел обширные посады, расположенные к югу и северу от укрепленной части города. Южный посад отделялся от городского ядра ледниковым оврагом Гомяюком и размещался на участке коренной террасы Сожа, рассеченном иными оврагами. Здесь выявлены остатки деревянной усадебно-дворовой застройки, включавшие элементы внешних ограждений, заборы внутреннего размежевания, переулка (улицы), а также углубленные подклеты наземных жилищ, остатки мастерских, погребов и пр.

По данным археологии усадебно-уличная планировка в Гомии складывается не позднее второй половины XI в. Площадь дворов рядовых городских жителей во второй половине XII – начале XIII в. составляла около 240-360 кв. м. Они располагались на посаде и окольном городе рядом с крупными феодальными дворами. На южном посаде во второй половине XI – начале XII в. существовала феодальная усадьба площадью свыше 1000 кв. м. По-видимому, она имела особый статус (пригородного села, слободы) и была заселена земледельцами, лесопромысловиками, металлургами, гончарами.

Второй посад находился севернее и северо-восточнее окольного града по левому борту Киевского Спуска. Площадь северного предградья Гомия XII–XIII вв. составляла не менее 2-2,5 га.

Археологический материал свидетельствует о социальной, имущественной дифференциации горожан. Предметы быта феодалов, вооружения и снаряжения дружинников встречаются преимущественно на детинце и окольном городе.

Начало каменного строительства в первой половине – середине XII в. отражает создание зрелой церковной организации. Фундаменты церквей не найдены, но плинфа встречается преимущественно там, где с конца XV–XVI вв. письменные источники указывают расположение давно существовавших церквей.

Гомий XII–XIII вв. выступал административным, хозяйственным, военным и культовым центром Нижнего Посожья. На севере Гомийская волость (и предполагаемый удел) граничила с Чичерской (Чечерской) волостью, на западе и юго-западе – с поднепровскими Речицкой и Брягинской (Брагинской), на юге – с собственно черниговскими владениями, на юго-востоке и востоке – волостями т. н. «Сновской тысячи». В состав волости входило нижнее течение Сожа (от р. Липы до места впадения Сожа в Днепр). С юга Гомийская волость ограничивалась заболоченными долинами левобережных притоков Сожа, с востока – в значительной мере совпадала с водоразделом Сожа и Снова, с запада –

Сожа и Днепра. Территория Гомийской округи могла составлять около 5000 кв. км.

Сложение древнейшего в Посожье города и оформление «тянувшей» к нему волости – проявления единого исторического процесса. Гомий прошел путь от раннеславянского поселения, восточнославянского общинно-племенного центра до крупной территориально-политической и экономической единицы эпохи Руси. Археологические данные согласуются с предположением о том, что Гомий XII–XIII вв. был центром удельного княжеского стола в рамках Черниговского княжества.

Значимое открытие археологов – получение свидетельств о штурме и разрушении города монголами около 1239 г.

9.3. Важнейшие находки археологов. Археологические исследования свидетельствуют о том, что Гомий летописной поры был значительным производящим центром, в хозяйственной жизни которого заметную роль играло не одно, а десятки разнообразных (в т. ч. узкоспециализированных) ремесел и промыслов. Находками вещей, инструментов и полуфабрикатов подтверждается развитие в городе гончарного дела, деревообработки, металлургического, кузнечного, оружейного, ювелирно-литейного производств, обработки янтаря, кости, прядения, ткачества.

На площадке Гомельского городища собран разнообразный вещевой материал: обломки стеклянных браслетов, шиферные пряслица, бронзовые браслеты и кольца, железные ножи, замки, ключи, кресала, шпоры, наконечники стрел и др. В культурных отложениях окольного города и посадов много предметов быта (ножи, кресала и пр.), орудий труда (жернова, косы, наральники, серпы, оковки лопат, напильники, сверла, долота, стамески, скобели, резцы, точильные круги, рыболовные крючки и др.). В ходе раскопок встречены стеклянная и керамическая поливная посуда, много предметов украшения из цветных металлов. Обломков стеклянных браслетов, включая византийские, в культурном слое Гомия собрано несколько тысяч экземпляров.

На окольном граде и южном посаде Гомия изучены остатки подклетов (нижних этажей-ярусов) наземных жилищ преимущественно с глинобитными печами (встречены и печи-каменки), прочих сооружений, ремесленных мастерских. Среди последних – несколько объектов, явно связанных с металлургией и кузнечным делом (их отмечают находки шлака, оплавленных стенок горнов, полуфабрикатов), а также ювелирно-литейным ремеслом (тигли, льячки, капли металла, деформированные в огне обломки изделий, готовая продукция, кусочки янтаря, миниатюрный сосудик с поливой, пинцеты, щипцы, мелкие пробойники, зубильца и др.).

Торговые связи Гомия отражены в многочисленных находках привозных вещей (киевской стеклянной посуды, крымских нательных

мраморных крестиков-«корсунчиков», византийских стеклянных браслетов, бус, амфор, восточных изделий из хрусталя, сердолика и пр.).

Военное дело гомиян представлено почти всеми известными на Руси видами наступательного и оборонительного вооружения, а также предметами экипировки всадника и коня (наконечниками стрел, копий, частями мечей и сабель, обрывками кольчуг, доспешными пластинами, шпорами, удилами, псалями и пр.).

Уникальным открытием в Гомеле являются остатки оружейной мастерской сборочно-слесарной направленности (исследования 1986–87 гг.), сгоревшей около 1239 г. Она заполнена тысячами предметов, преимущественно из черного металла и, в основном, связанными с военным делом. Найден представительный набор инструментов мастера-слесаря, сотни незавершенных и бракованных изделий. В коллекции представлена серия перекрестий и наверший мечей и сабель, остатки сгоревших ножен меча, несколько обрывков кольчатых полотен разного вязания, многие сотни пластин от доспехов чешуйчатого и ламеллярного строя.

Много вопросов для оружейников задают находки остатков редчайшего трубчатого наруча и шинных поножей. Высокий уровень специализации оружейного дела говорит о том, что углубление феодальной раздробленности действительно было вызвано во многом именно экономическими процессами.

В ювелирно-литейной мастерской окольного града Гомия открыт бронзовый наконечник ножен меча. Такие наконечники обычно считаются прибалтийскими (прускими) по происхождению. Однако гомельская находка является незавершенным изделием, поэтому ее местное происхождение более чем вероятно.

Оружейники работали и на Гомийском детинце. В этом плане интересны обрывки кольчужных полотен, часть колец которых имеет характер незавершенной работы.

Развитие культуры и грамотности в городе показывают эпиграфические памятники – предметы с кириллическими буквами и благопожелательной надписью.

В ходе раскопок упомянутой выше оружейной мастерской среди бытовых предметов, орудий труда, деталей вооружения и производственных заготовок в заполнении жилого подклета выявлены мелкие, хрупкие обломки сгоревшего деревянного изделия. Они принадлежат низкому открытому сосуду на узком поддоне. Изделие выточено на станке. По своей форме, размерам и моделировке венчика оно напоминает токарные мисы Новгорода Великого, бытовавшие в середине XI – начале XIV вв. Наружная поверхность мисы покрыта глубоким врезным растительно-геометрическим орнаментом с мотивами цветка и плетенки. Узор нанесен уверенной рукой мастера специальным

инструментом. На внутренней поверхности поддона мисы вдоль края его ободка обнаружены остатки круговой кириллической надписи: [ГОСПОД]Н ПОМОЗН РАБУ [СВОЕМУ ФЕО]ДОРЪВН. Буквы врезаны неглубоко, для их нанесения, возможно, использовался нож. Аналогичные надписи широко представлены в древнерусских эпиграфических памятниках. Есть основания полагать, что и гомельская надпись является «автографом» оружейника Федора, которому, вероятно, и принадлежал дом-мастерская начала XIII в.

В коллекции находок из Гомия имеется несколько металлических стилей (писал) и книжная застёжка. Стили изготовлены из черного и цветного металлов. Найдены они на детинце, окольном граде и посаде. Топография находок таких достаточно редких предметов, связанных с развитием грамотности населения, может косвенно свидетельствовать о том, что образованные люди тогда были не только выходцами из феодального сословия.

Одну из наиболее интересных категорий гомельских археологических материалов составляют сфрагистические памятники, ставшие известными благодаря исследованиям и случайным находкам последних десятилетий. Они представлены небольшим, но выразительным набором вислых свинцовых печатей княжеского типа. Находки подобного рода свидетельствуют о наличии в Гомии органов государственной власти, активном ее участии в жизни изучаемого нами региона, а также о развитии института феодальной собственности на землю, который в каждом случае удостоверялся специальным актом.

Первая гомельская булла обнаружена археологом Н.В. Бычковым в 1990 г. На одной стороне эта печать несет изображение святого-воина (поврежденное трещиной от канала под шнур), держащего в правой руке копье, а в левой – щит. По обеим сторонам от лика просматриваются следы букв. Типологические и палеографические особенности буллы ставят ее в один ряд с подобными памятниками древнерусской сфрагистики, принадлежащими к разряду княжеских печатей с греческими строчными надписями и патрональными изображениями святых.

Моливдовулы данного типа бытовали на Руси с середины XI до начала XII в. Исходя из содержания сфрагистической легенды, рассматриваемую печать следует отнести князю Мстиславу Владимировичу Великому, сыну Владимира Мономаха. Мстислав последовательно княжил в Новгороде Великом (1088–1094 гг.), в Ростове (1094–1096 гг.), вторично в Новгороде Великом (1096–1117 гг.), в Белгороде (1117–1125 гг.) и Киеве (1125–1132 гг.). Христианское имя его было Феодор, как известно из приписок к «Мстиславу евангелию» и списка князей, помещенному в «Хождении игумена Даниила».

В ходе раскопок на гомельском околограде (усадебный Петропавловский собор) в подклетной части постройки второй половины

XII – начала XIII в. обнаружена вислая свинцовая печать, которая принадлежала воспетому в «Слове о полку Игореве» князю Святославу Всеволодовичу. Согласно летописи, в 1157 г. Святослав стал новгород-северским князем, в 1164–1176 гг. – занимал черниговский стол, а в 1180–1194 гг. – был на великом княжении в Киеве. Вторая гомельская булла представляет собой свинцовое изделие диаметром 25-26 мм. По двум сторонам она несет рельефные изображения и кириллические надписи. На лицевой стороне изображен Архангел Михаил в полный рост с мерилем в правой руке и зеркалом – в левой. На фоне по сторонам – колончатая надпись: АРХ АГ. На оборотной стороне – изображение Св. Кирилла в точечном круговом ободке. По сторонам – колончатая надпись: КЮРНЛА АГНО. Рассматриваемый моливдовул относится к разряду распространенных в XII в. княжеских печатей с двухсторонними изображениями святых. Аналогии гомельской печати имеются в Новгороде Великом и Киеве. В.Л. Янин показал, что они принадлежат именно князю Святославу Всеволодовичу (в крещении – Михаилу Кирилловичу).

Уникальным сфрагистическим памятником из Гомеля является железный наконечник стрелы с двухсторонними изображениями родовых знаков Рюриковичей – тамг-трезубцев. Он был найден в ходе раскопок 1988 г. в заполнении углубленной части жилища на околоградь Гомия и расчищен стараниями В.А. Михедько. Наконечник «именной» и наверняка принадлежал одному из князей. Прямые аналогии данной находке отсутствуют.

Раскопки детинца и окольного града открыли следы пожарищ первой половины – середины XIII в. В ряде построек под завалами сгоревших конструкций остались инструменты, предметы вооружения, орудия сельского хозяйства и промыслов. В слое разрушения оборонительных сооружений Гомия на откосе оборонительного рва и рядом с ним обнаружено несколько наконечников стрел – срезней. Такими стрелами пользовались монголы во время вторжения на Русь в конце 1230-х – начале 1240-х гг.

Вопросы для самоконтроля

1. Охарактеризуйте историческую топографию летописного Гомия.
2. Рассмотрите основные археологические открытия в Гомеле, сделанные учеными в XX – начале XXI в.
3. Дайте краткое описание комплекса находок из Гомийской оружейной мастерской первой половины XIII в.
4. Опишите основные памятники эпиграфики и сфрагистики из раскопок Гомеля.

Лекция 10.

«Открытые торгово-ремесленные поселения» Руси

10.1. Открытые торгово-ремесленные поселения (ОТРП): общая характеристика.

10.2. ОТРП и средневековые города.

10.3. Военный аспект в истории ОТРП.

10.4. Историческая роль ОТРП.

Рекомендуемая литература

1. Андрощук, Ф.О. Нормани і слов'яни у Подесенні (моделі культурної взаємодії доби раннього середньовіччя) / Ф.О. Андрощук; гол. ред. Гладких М.І. – Київ, 1999. – 144 с.

2. Булкин, В.А. Археологические памятники Древней Руси IX–XI веков / В.А. Булкин, И.В. Дубов, Г.С. Лебедев; под ред. А.Н. Кирпичникова. – Л.: Изд.-во Ленингр. ун-та, 1978. – 150 с.

3. Дубов, И.В. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья / И.В. Дубов. – Л.: Изд.-во ЛГУ, 1982. – 248 с.

4. Лебедев, Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе: Историко-археологические очерки / Г.С. Лебедев. – Л.: Изд.-во ЛГУ, 1995. – 461 с.

5. Михайлов К. А. Элитарный погребальный обряд Древней Руси: камерные погребения IX – начала XI века в контексте североевропейских аналогий / отв. ред. Е. Н. Носов, Н. И. Платонова. – СПб.: Издательский дом «Бранко», 2016. – 272 с.

6. Петрухин, В.Я. Русь в IX–X веках. От призвания варягов до выбора веры / В.Я. Петрухин. – М.: Форум, 2014. – 464 с.

7. Толочко, П.П. Древнерусский феодальный город / П.П. Толочко; под ред. С.А. Высоцкого. – Киев: Наукова думка, 1989. – 256 с.

8. Шинаков, Е.А. От пращи до скрамасака: На пути к державе Рюриковичей / Е.А. Шинаков. – Брянск: Изд.-во Брянского гос. университета, 1995. – 274 с.

10.1. Открытые торгово-ремесленные поселения (ОТРП): общая характеристика. Особую категорию археологических памятников Руси представляют «открытые торгово-ремесленные поселения» (ОТРП). Они привлекают пристальное внимание археологов и историков.

Яркими примерами ОТРП отечественная и зарубежная историография признает летописную Ладогу, Гнездово, ряд памятников Ярославского Поволжья (Тимерево, Петровское, Михайловское), Шестовицу под Черниговом и др.

Археологическими признаками ОТРП выступают: 1) расположение поселений на важнейших торговых артериях межрегионального значения и

наличие на них устойчивых свидетельств развитой международной торговли; 2) значительный процент в составе населения этих поселений социально-обособленного военизированного элемента; 3) весьма крупные для истории Руси размеры поселений (от 25-30 га и более) и сопутствующих им могильников (до 6000 курганов); 4) высокий уровень развития ремесленного производства нескольких направлений; 5) наличие в топографической структуре памятников одного или нескольких укрепленных центров (городищ); 6) полиэтничный состав населения; 7) общая хронология (возникновение во второй половине VIII–IX вв. и постепенное затухание жизни в XI в.).

Интерпретация исторической сущности ОТРП дискуссионна. Археологическими раскопками надежно документированы следующие их функции: военно-оборонительная, торговая, ремесленная, аграрная, фискально-административная. Эти наблюдения решительно относят ОТРП к категории многофункциональных поселений, отмежевывают их от рядовых сельских поселений и тесно сближает с городами. Наличие аграрной функции не должно смущать исследователей – даже крупные города Руси и тогдашней зарубежной Европы носили «полуаграрный» характер.

Российский исследователь И.В. Дубов квалифицировал открытые торгово-ремесленные поселения Верхнего Поволжья как «протогородские» поселения, т. е. фактически усмотрел в них начальный этап процесса градообразования. В.Я. Петрухин и Т.А. Пушкина трактуют такие памятники в качестве значительных опорных пунктов великокняжеской власти.

Украинские археологи В.П. Коваленко и А.П. Моця, основываясь на материалах крупных археологических исследований Шестовицы под Черниговом, рассматривают комплекс ее памятников как отражение крупного военного лагеря киевских князей.

Почти все современные исследователи, затрагивающие спорные вопросы истории ОТРП, не противопоставляют, а косвенно связывают эту категорию поселений с городами Руси. Но назвать Гнездово, Шестовицу или Тимерево «городами» большинство ученых так и не решается. Почему?

В письменных источниках не встречаются (кроме, может быть, Ладоги, Менска «на Менке» и некоторых иных) упоминания о них. Это выглядит достаточно странным: молчанием восточнославянских летописцев как-будто обойдены самые крупные поселения Руси второй половины VIII – XI в., которые имеют выраженные признаки урбанизации. А ведь именно они должны были сыграть определяющую роль в становлении государства. Гнездово расположено у Смоленска, Шестовица – у Чернигова, Тимерево – под Ярославлем. Любопытная ситуация: в

летописях есть Смоленск, но нет Гнездова, есть Чернигов, но нет Шестовицы, есть Ярославль, но нет Тимерево.

Сложно поверить в то, что летописцы ничего не знали о крупнейших поселениях Руси или по каким-то причинам замалчивали их существование.

Бытующее в современной историографии наименование рассматриваемой категории памятников «открытыми торгово-ремесленными поселениями» не отражает в должной степени их историческое содержание. В лекции сохранено это название, отдавая дань уважения историографической традиции.

Сомнение вызывает правильность определения ОТП в качестве «открытых» (т. е. не имеющих искусственных укреплений). В Гнездове и Шестовице сохранились и частично исследованы городища, причем в Гнездове их два. В ярославском Тимереве также обнаружены следы укреплений. Пусть масштабы этих городищ в плане обороноспособности и уступают крепостным сооружениям ряда летописных городов и даже феодальных усадеб-замков, но сам факт их наличия дает основания усомниться в «открытом» характере рассматриваемой категории поселений.

Определение памятников типа Гнездово и его исторических аналогов как «торгово-ремесленных» также не представляется достаточным. Значение торговли и ремесла в жизни ОТП более чем очевидно. А если учесть немалое количество находок сельскохозяйственных орудий и приспособлений – наконечников пашущих орудий, серпов, кос, жерновов (Менское поселение, Шестовица и др.), то следует признать и значительный удельный вес аграрных занятий жителей этих поселений. Значит, торгово-ремесленную функцию ОТП не следует ставить на первый план. К сожалению, никаких объективных подсчетов соотношения торгового, ремесленного, аграрного и прочих элементов в экономике и социальном составе населения ОТП на сегодняшний день нет.

Безусловно, не только экономические параметры определяли сущность ОТП. Некоторые российские исследователи справедливо усмотрели в ОТП выполнение ими функции опорных пунктов великокняжеской власти. Следовательно, в распространенном определении ОТП не отражена одна из главнейших функций – политико-административная.

Все исследователи отмечают высокий процент среди жителей открытых торгово-ремесленных поселений военизированного населения. Это научное наблюдение опирается на многочисленные находки разнообразных предметов наступательного и защитного вооружения, экипировки воина и боевого коня (мечи, шлемы, доспехи, остатки боевых поясов, уздечек и пр.). Именно этот фактор во многом и представляет

историческое «лицо» данных памятников. В этих поселениях воинский компонент представлен повсеместно и ярко.

Анализ историко-археологического материала позволяет именовать рассматриваемые поселения «военизированными многофункциональными» (ВМФП). При всех недостатках любого определения предложенное будет точнее соответствовать историческому содержанию этой категории памятников эпохи Руси.

10.2. ОТП и средневековые города. На проблемном поле историографии остро дискуссионным продолжает оставаться историческое соотношение ОТП с «настоящими» раннефеодальными городами Руси.

Рассмотрим вопросы о топографическом и хронологическом измерениях в истории ОТП и городов. Первые и вторые обычно располагаются на расстоянии примерно 7–20 км друг от друга и образуют в топографическом измерении «пары». Бинарное их размещение давно замечено и активно обсуждается учеными: «Гнездово – Смоленск, Тимерево – Ярославль, Сарский городок – Ростов, Шестовица – Чернигов, Менское поселение – Минск на Свислочи» и др. Мнимое отсутствие в древнейшем городе Руси Смоленске и в Минске «на Свислочи при впадении Немиги» культурных отложений IX–X вв. способствовало развитию гипотезы о «переносе городов», которая имеет почти вековую традицию.

Действительно, выраженных культурных слоев указанных периодов ни в Смоленске, ни в Минске ученые пока не нашли. Однако это вовсе не означает, что ранних отложений здесь не было. Раскопки археологов велись далеко не во всех частях этих городов, а перспективные участки давно застроены и уже малодоступны для исследователей. Но по некоторым данным, в т. ч. по итогам археологических исследований самых последних лет, «не-гнездовский» Смоленск в IX–X вв. существовал и развивался параллельно с Гнездовским поселением.

В большинстве случаев бинарного расположения собственно города и ОТП мы видим их синхронное (хотя бы на определенном отрезке времени) существование (с постепенным возвышением первого и медленным угасанием второго). Чем более тщательно исследованы «бинарные памятники» изучаемого типа, тем больше оснований говорить об их одновременной жизни. Бесспорной представляется «параллельное» существование города Ростова и Сарского городка, Чернигова и Шестовицы.

Ученые давно обратили внимание на типологическое родство ОТП Руси и синхронных им приморских «виков» Балтийского региона. Последние расположены на территориях современных Германии, Дании, Швеции, Норвегии и Польши. Немецкий «вик» Хайтхабу сосуществовал с городом Шлезвигом, шведский «вик» Бирка – с городом Адельзо. Парное

существование этих и подобных им центров в научном подтверждении не нуждается.

Так в чем же причина параллельного существования ОТРП и феодальных городов? И почему многие ОТРП угасают в XI в. и не перерастают в «настоящие» города? Ответ исследователей – археологов и историков – на первый вопрос чаще сводится к тому, что ОТРП выполняли преимущественно торгово-ремесленные функции, а раннефеодальные города – в основном административно-политические. Наверное, это так и есть (на стадии их сосуществования). Но остается непонятным, почему ОТРП – признанные средоточия ремесла и торговли были в X–XI вв. территориально отнесены от городов (пусть и на несколько часов пешего хода) и почему княжеской власти в последующие столетия (XII–XIII вв.) никак не мешало размещение в городах ремесленников и купцов. Видимо, дело не в ремесленниках и торговцах.

Исследователи повсеместно обнаруживают в составе населения ОТРП наличие «военного, дружинного» элемента, но лидирующая военная функция рассматриваемой категории поселений обычно «тонет» на фоне ремесленной и торговой. И напрасно, поскольку процент воинских захоронений во всех могильниках, связанных с ОТРП, более чем высок.

Военизированные многофункциональные поселения Руси IX–XI вв. являлись ни чем иным, как топографически обособленными частями городов – своеобразными их поселениями-спутниками. Они объективно выполняли (дополняли, отчасти дублировали), вероятно, не все, но значительную часть спектра «городских» функций. Они действительно были отдельными поселениями, но преимущественно в географическом измерении. Превалирующее военное (и военно-полицейское) направление жизнедеятельности во многом предопределило их «выносной» (за пределы «основной» части города) характер размещения. И в этом может скрываться часть разгадки этой, на первый взгляд, парадоксальной ситуации – парного существования городов и их военизированных спутников.

10.3. Военный аспект в истории ОТРП. Воинские контингенты великоновгородских и киевских князей в конце IX–X вв. (а потом, ближе к концу X в. – и их вассалов) были предназначены для решения внешнеполитических проблем (походы на Византию, Волжскую Булгарию, Хазарию, Польшу). Иная, не менее важная, их задача – «собрание» местных восточнославянских, финских, угорских и балтских земель, сопряженная с ликвидацией власти «племенной» аристократии.

В условиях становления государства великие князья объективно не могли создать регулярную армию и пошли по пути формирования армии наемников, союзников и данников. Летописец, повествуя о событиях IX–X вв., подчеркивает «полиэтнический» состав войск великих князей. Князь

Олег Вещий, направляясь в 882 г. на завоевание восточнославянских земель и самого Киева, собрал армию из варягов, чуди, словен, веси и кривичей. В 907 г., угрожая Византийской империи, он ведет на нее 80-тысячное войско, состоящее из варягов, словен, чуди, кривичей, радимичей, мери, древлян, полян, северян, вятичей, хорватов, дулебов и тиверцев. Но уже в летописных статьях, посвященных событиям второй половины XI–XIII вв., на этническую принадлежность княжеских ратников внимание уже не обращается. Войско того времени формировалось не по этническому признаку. Данные наблюдения указывают на временный и наемный характер военизированных формирований великих князей в X – начале XI вв.

Примеров найма иностранцев на воинскую службу Руси предостаточно (есть красноречивые сообщения северных саг и летописей).

Восточнославянская летопись указывает на проблемы, возникавшие при квартировке иноземных наемников в городах. Показательным выглядит рассказ о конфликте великого князя Владимира Святославича с варягами, который имел место в Киеве около 980 г. Выходцы с Севера затребовали более высокую плату за наемничий труд, объявив столицу Руси захваченной («се град наш»). Не без труда Владимир сумел отказать им и справиться с жадными устремлениями пришельцев. Некоторым их «мужам добрым, смысленным и храбрым» он раздал «грады» (вероятно, крепости, и очевидно, во временное управление). Основная же масса наемников, учитывая их желание стать высокооплачиваемыми гвардейцами, была умело направлена ко двору византийского императора.

Есть и еще одно интересное событие, отраженное летописью. В 1015 г. новгородцы восстали против произвола размещенных в городе варягово-наемников князя Ярослава Владимировича и их перебили. Таких конфликтов было гораздо больше тех эпизодов, которые отразились в летописи. Князья должны были держать наемников вне городских стен и создавать для них отдельные поселения–спутники.

10.4. Историческая роль ОТП. Большая часть открытых торгово-ремесленных поселений исчезает к середине XI в. В конце IX – первой половине XI вв. идет процесс «огосударствливания» «племенных» территорий. Надо полагать, что одним из инструментов этого направления государственной политики были ОТП. К середине XI в. они выполнили свои задачи и постепенно сошли с исторической сцены. Во второй половине, в основном в конце XI в. и в последующем столетии на Руси появляются феодальные замки – исторические и археологические свидетельства оседания военно-дружинного сословия на землю. Широкие экономические возможности окрепшего государства, далеко зашедший процесс феодализации крестьянства, позволили правителям Руси перейти от практики «одаривания» дружины и наемников деньгами, «оружием и

портами» («вассалитет без ленов») к раздаче в держание или собственность земельных угодий (с селами и смердами-крестьянами). Энергия разноплеменной массы воинов была направлена в русло обустройства феодальных хозяйств, эксплуатация которых по сравнению с непредсказуемыми своими результатами военными походами, приносила их владельцам устойчивый доход и обеспечивала содержание постоянно разраставшегося окружения.

Именно процесс развития феодальных отношений на Руси и оказался главным «могильщиком» ОТПП. Расцвет Ладоги, Смоленска-Гнездово приходится на IX–X вв., «звездный» час Шестовицы – X в., «взлет» Мохова – вторая половина X – первая половина XI вв. Не отражают ли эти даты историческую реальность поэтапной феодализации, «огосударствливания» различных регионов Руси?

Таким образом, в период возникновения государства Русь возникают особого рода поселения, которые в историографии конца прошлого века получили наименование открытых торгово-ремесленных. Они были многофункциональными организмами с широким спектром занятий населения, вовлечения его в политическую и экономическую жизнь растущей державы. Однако преобладающей их функцией была военная (военно-полицейская). Она определялась самой целью создания таких поселений – захват и последующий контроль над местными «племенами», защита приоритетных торгово-экономических интересов государства на артериях международного значения, внешняя агрессия и пр.

ОТПП сыграли огромную роль в становлении феодальных городов. Бинарное расположение Гнездово и Смоленска, Шестовицы и Чернигова, Менского поселения и Минска и т. д. отражает историческую закономерность. ОТПП были составными частями раннегородской структуры. Географическая обособленность «спутников» от «настоящих» феодальных центров не имеет принципиального значения для определения исторической природы первых.

Вопросы для самоконтроля

1. Объясните закономерности размещения открытых торгово-ремесленных поселений на карте Восточной Европы.
2. Какие моменты сущности открытых торгово-ремесленных поселений вызывают дискуссии в историко-археологической науке?
3. Дайте развернутую характеристику экономики открытого торгово-ремесленного поселения, покажите ее отличия от экономики сельского поселения.
4. Почему в составе населения открытых торгово-ремесленных поселений ярко выражен военно-дружинный элемент?

Лекция 11.

Моховский археологический комплекс на юго-востоке Беларуси

11.1. Моховский археологический комплекс: расположение, история исследований.

11.2. Материальная культура Мохова.

11.3. Основные функции Моховского поселения.

11.4. Историческая роль Мохова.

Рекомендуемая литература

1. Булкин, В.А. Археологические памятники Древней Руси IX–XI веков / В.А. Булкин, И.В. Дубов, Г.С. Лебедев; под ред. А.Н. Кирпичникова. – Л.: Изд.-во Ленингр. ун-та, 1978. – 150 с.

2. Завитневич, В.З. Вторая археологическая экскурсия в Припятское Полесье // Чтения в Историческом Обществе Нестора-летописца. – Киев, 1892. – Кн. VI. – С. 11–72

3. Лебедев, Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе: Историко-археологические очерки / Г.С. Лебедев. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1995. – 461 с.

4. Макушников, О. Между Гнездово и Киевом: Моховский археологический комплекс X–XI вв. на юго-востоке Беларуси / О. Макушников // Гістарычна-археалагічны зборнік. Навук. выд. / ІГ НАН Беларусі. – Мінск, 2006. – Вып. 22. – С. 130–138.

5. Толочко, П.П. Древнерусский феодальный город / П.П. Толочко; под ред. С.А. Высоцкого. – Киев: Наукова думка, 1989. – 256 с.

11.1. Моховский археологический комплекс: расположение, история исследований. Первые археологические исследования у д. Мохов, расположенной на правом берегу Днепра под Лоевом, осуществил в 1890 г. профессор Киевской духовной академии по кафедре русской гражданской истории В.З. Завитневич. Проводя археологическую «экскурсию» по Белорусскому Полесью и Поднепровью, он зафиксировал в Мохове свыше 600 курганов, т. е. открыл остатки одного из самых крупных на землях Беларуси могильников эпохи Руси. В.З. Завитневич изучил 26 моховских курганов. В.З. Завитневич обратил внимание на неординарный характер изученного им памятника и провел его сравнение с другими древнерусскими могильниками окрестностей Лоева и Речицы.

С 2003 г. изучением Мохова занимается археологическая экспедиция ГГУ им. Ф. Скорины под руководством О.А. Макушникова. Исследовано 44 кургана. Большая их часть относится к X–XI вв. Раскопки показали, что у Мохова располагается комплекс разновременных памятников,

включающий остатки поселений, городища, курганного и грунтового могильников. Часть комплекса, представляющая его историю эпохи Руси, – памятник категории ОТП, которые в историографии также именуются «торговыми факториями» или «военно-дружинными лагерями».

Курганный могильник локализуется на юго-восточной окраине Мохова в ур. Курганье, занимает площадку и склон коренной правобережной террасы Днепра. Часть курганов находится на возвышенной части речной поймы. Общая площадь сохранившейся части могильника составляет около 4,5 га. Прилегающее к курганам поселение занимает территорию не менее 25 га (ур. Великое и Высокое Поле, Подгорье). В его составе имеется городище (ур. Причелок или Дед-Курган). Большая часть памятника расположена на относительно ровной, максимально возвышенной площадке террасы, высота которой над уровнем воды превышает 17–18 м.

11.2. Материальная культура Мохова. Археология определенно свидетельствует о полиэтничном составе населения Мохова в X–XI вв. В исследованных курганах похоронены славяне, балты, финны и, возможно, скандинавы. Особый научный интерес вызывает отсутствие здесь погребений местного населения – дреговичей и радимичей. В то же время целый ряд захоронений содержит этноопределяющие украшения кривичей – жителей Полоцкой и Смоленской земель. Так, в женских погребениях Мохова представлены проволочные браслетообразные с завязанными концами височные кольца, присущие кривичскому погребальному убору конца X–XII в. Одно моховское погребение латгальское или земгальское: женщина похоронена в характерном для предков латышей одеянии – плаще-виллаине, расшитом синим бисером.

В составе моховского населения отчетливо прослеживается военизированный компонент. Во многих мужских погребениях встречены оружие, воинские принадлежности, престижные вещи (железные топоры, наконечники копий, сулица, бронзовые детали воинских поясов, фрагменты железных гривен и браслетов, деревянная чаша с металлическими оковками, деревянное ведро с железными обручами и др.). На рядовых крестьянских кладбищах такая картина не наблюдается. Необычным представляется обнаружение в моховских курганах редких монет: денария-подвески чешского короля Болеслава II 972/3–999 гг. (единственная находка такого рода в погребальных памятниках Руси), двух обломков сребреников великого киевского князя Владимира Святославича, служивших «оболами мертвых» (в Беларуси, по данным известного нумизмата В.Н. Рябцевича, есть только два места находок монет Владимира).

К Моховским курганам примыкает крупное поселение (не менее 25 га). Расцвет его жизни – вторая половина X – первая половина XI в.

Раскопками выявлены остатки большой глинобитной печи (гончарный горн), который был назначен как для производства посуды, так и, вероятно, кирпича-плинфы. Следы «плинфотворения» (термин летописца) на территории Беларуси зафиксированы впервые. Плинфа – находка более чем примечательная. Технологический ее анализ, изучение обломков керамики X–XI вв., а также сырой глины из естественного (геологического) обнажения на окраине Моховского комплекса показал их идентичный минералогический состав. Дальнейшие исследования должны разъяснить вопрос о том, куда поступала выжженная в Мохове плинфа: для строительства в ближайшие города или для сооружения собственного храма?

11.3. Основные функции Моховского поселения. По своим особенностям Мохов сопоставим с широко известными ОТРП IX–XI вв. (Гнездово, Шестовица, Тимерево и пр.), а также некоторыми городами Руси. Иноэтничный (по отношению к местным крестьянам) и разноэтничный состав моховского населения, его выраженный социально-обособленный и вооруженный характер, крупные размеры памятника, позволяют предполагать, что в X–XI вв. на берегу Днепра размещалось обширное поселение, значительную часть жителей которого составляли воины и члены их семей.

Следует напрочь отбросить мысль о том, что Мохов в это время контролировали отряды бродячих викингов или ватаги местных «ушкуйников». Только великие князья могли быть инициаторами создания и гарантами последующей жизнедеятельности столь крупного поселения. Вопрос заключается в том, с какой целью оно создавалось, и почему оно было основано именно в этой местности.

Судя по дате основного археологического материала, Мохов активно функционировал как во времена великого князя киевского Владимира Святославича, так и в период вооруженного противостояния братьев Ярослава и Мстислава Владимировичей, которые временно расчленили Русь на две части согласно Городецкому соглашению 1026 г. Однако первые погребения на Моховском могильнике появились значительно раньше конфликта сыновей Владимира (конец IX – первая половина X в.).

С географической точки зрения Мохов находится удобно – при устье Сожа, на берегу озера, которое могло служить и гаванью, и верфью. Раскопками 2015 г. были открыты участки «портовой зоны» Мохова, датированные концом X – первой половиной XI в. Причина возникновения здесь крупного военизированного поселения должна лежать в сферах военно-политической и социально-экономической. Если говорить о первой, то таковой могла быть необходимость для Киева подчинения дреговичей (дата их вхождения в состав Руси, судя по сообщению византийского императора Константина Багрянородного – не позднее

середины X в.) и радимичей (последний киевский поход на них совершен в 984 г.).

Мохов был крупным военным лагерем на днепровском отрезке пути «Большого полюдья», который поэтапно создавался и укреплялся Киевом в период «собираия» и консолидации восточнославянских земель вокруг Киева. К 984 г. земля радимичей оказалась окруженной опорными пунктами русов. Они нападали на противника из нескольких военных лагерей (из Гнездово под Смоленском, Шестовицы под Черниговом, Левенки под Стародубом и Мохова). Понятно присутствие в Мохове воинов-кривичей (с семьями), прочих выходцев из северных и иных территорий. Именно они, не связанные напрямую с местной этнической средой (с радимичской и дреговичской аристократией), могли выступать инструментом подчинения Киеву аборигенного населения.

В X в. для Руси внешней угрозой стала угроза печенежская. Пик агрессивности степняков приходится на вторую половину X – начало XI вв. Они убили князя Святослава Игоревича, возвращавшегося с византийской войны (972 г.). Печенежский натиск на Русь усилился в конце X в. Владимир был вынужден принять меры по усилению обороноспособности границ. В конце 980-х гг. он предпринимает грандиозные работы по возведению южнорусской оборонительной линии. Владимир Святославич в 988 г. переселил в зону строительства крепостей из подвластных ему северных территорий «лучших мужей» (воинство). Среди «нарубленных» Владимиром воинов-строителей находим кривичей, словен, вятичей, чудь (финнов). В 997 г. Владимир вновь отправляется из Киева в Новгород за северным воинским подкреплением («по верхние вое»). Географическое положение Моховского лагеря, присутствие в его составе «северных» воинов в конце X – начале XI вв. соответствуют исторической ситуации, описанной летописцем. В условиях печенежской опасности для Руси требовалось постоянное поддержание обороноспособности даже удаленных от ее южного рубежа градов и военных лагерей. К числу последних вполне могло относиться и Моховское военизированное многофункциональное поселение, которое «запирало» Гомельское Поднепровье с юга.

Примерно в 9-10 км к югу от Мохова, возле Лоевского городища находится известный в средневековье и позднее «Татарский брод» – мелководный участок русла Днепра. В XVI в. он неоднократно использовался в качестве переправы крымскими татарами, которые постоянно вторгались в пределы Великого княжества Литовского. Форсировав Днепр в этом месте, татары не раз доходили до глубинных земель Белорусского Полесья и даже Центральной Беларуси (до Петрикова и Слуцка). Этой «наезженной» дорогой, вероятно, стремились пройти и исторические предшественники татар – печенеги, торки, половцы. Одной из стратегических задач Моховского военизированного поселения в X–XI

вв. мог быть контроль за передвижением степняков и оказание им организованного сопротивления. Разноплеменное воинство, объединенное киевскими правителями в Мохове, было призвано исключать просачивание отрядов кочевников в глубинные районы Гомельского Поднепровья. Родина оказавшихся в Мохове воинов-кривичей – Смоленщина или Полотчина. Если принять второе предположение, то полочане могли быть наняты или «нарублены» Владимиром Святославичем после разгрома княжества Рогволода в начале 980-х гг. Именно в конце X – первых десятилетиях XI вв. в Мохове начинают распространяться кривичские браслетообразные кольца.

11.4. Историческая роль Мохова. Моховское поселение в конце IX – первой половине X в. функционировало в качестве одного из опорных пунктов киевского полудья, организованного Олегом Вещим или Игорем Рюриковичем и контролировавшегося гарнизоном княжеских дружинников, союзников и наемников. Одной из главных задач Мохова могло быть противостояние радимичам, сохранявшим (несмотря на даннические, т. е. в известной степени, временные отношения с Киевом) свою «племенную» автономию вплоть до 984 г. С ликвидацией радимичской автономии, «окняжением» радимичских и соседних дреговичских земель, возрастанием роли княжеских городов (Гомия, Речицы, Чичерска) – значение Мохова падает. В конце XI–XII вв. он превращается в одно из рядовых селений. Мохов прекращает полнокровное существование. Он выполнил свою историческую задачу по присоединению к Руси дреговичей и радимичей.

Мохов демонстрирует яркий пример открытого торгово-ремесленного поселения. Но рядом с ним нет города, упомянутого в летописи. В свете последних археологических наблюдений, можно утверждать: историческим спутником Мохова был Лоев, в котором имеются остатки городища и обширного поселения.

Изучение Моховских древностей поднимает вопрос о неравномерности процессов «огосударствливания», активно протекавших в период феодализации и христианизации Руси.

Вопросы для самоконтроля

1. Охарактеризуйте историко-географическое положение Мохова на карте Восточной Европы.
2. Чем и почему Моховские курганы резко отличаются от курганов местного населения – дреговичского и радимичского?
3. Охарактеризуйте основные исторические функции Мохова.
4. Какими историческими обстоятельствами можно объяснить присутствие в Мохове кривичей и финнов?

Лекция 12.

Замки: владельческие поселения и крепости по историко-археологическим данным

- 12.1. Замки Руси: общая историко-археологическая характеристика.
- 12.2. Материальная культура замков.
- 12.3. Вищинский замок под Рогачевом.

Рекомендуемая литература

1. Ваганова, А.Н. Материальная культура древнерусских феодальных замков / А.Н. Ваганова // Древнерусское государство и славяне: мат-лы симпозиум., посвящ. 1500-летию Киева. – Минск: Наука и техника, 1983. – С. 85-86.
2. Довженок, В.Й. / Про типи городищ Київської Русі / В.Й. Довженок. – Археологія. – 1975. – С. 3-14.
3. Древняя Русь. Город, замок, село / под ред. Б.А. Колчина, А.В. Чернецова. – М.: Наука, 1985. – 432 с.
4. Загорульский, Э.М. Вищинский замок XII–XIII вв. / Э.М. Загорульский. – Минск: БГУ, 2004. – 159 с.
5. Никольская, Т.Н. Земля вятичей: к истории населения бассейна верхней и средней Оки в IX–XIII вв. / Т.Н. Никольская; под ред. В.В. Седова. – М.: Наука, 1981. – 296 с.
6. Раппопорт, П. А. О типологии древнерусских поселений / П.А. Раппопорт // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях ИА АН СССР. – 1967. – Вып. 110. – С. 3-9.

12.1. Замки Руси: общая историко-археологическая характеристика. Остатки замков (владельческих усадеб феодалов) имеют свои особенности как тип поселений и как разновидность памятников археологии эпохи Руси. Они известны по всем уголкам лесной и лесостепной зон Восточной Европы. Большинство феодальных замков возникает в конце XI – начале XII в. и прекращает свое существование около середины XIII в.

Термин «замок» – не летописный. Он явно поздний и заимствован историко-археологической наукой из польского языка. В летописях владельческие поселения феодалов чаще всего обозначаются терминами «двор», «дом», «град». Возникновение и развитие замков тесно связано с процессами развития государственного строя на Руси и проблемой происхождения городов.

Тема феодального замка Руси привлекала пристальное внимание многих ученых советского и постсоветского периодов. Ей посвятили свои труды Б.А. Рыбаков, В.И. Довженок, П.А. Раппопорт, В.В. Седов, Т.Н.

Никольская, А.В. Куза, Г.П. Поляков и др. В советской историографии итоги исследований проблемы подведены на страницах двух томов фундаментального академического исследования из серии «Археология СССР».

В белорусской историко-археологической науке этой теме посвящены работы Э.М. Загорульского и А.Н. Вагановой, которые получили широкое признание в советское и постсоветское время.

По определению академика Б.А. Рыбакова, замок – это владельческое феодальное поселение, как правило, укрепленное и являющееся центром вотчинных владений. По мнению А.Н. Вагановой, основным археологическим признаком замка является большое количество находок оружия и предметов воинского быта.

А.П. Моця отметил, что замок – это феодальное поселение его владельца (иначе говоря, резиденция), которое обычно укреплялось и было центром вотчинного землевладения. К характерным чертам планировки таких пунктов, которые были предназначены для проживания самого феодала, его челяди, представителей вотчинной администрации, дружинников, населения, которое обрабатывало землю господина и находилось при феодальном дворе, обычно относят жилища самого феодала и его окружения, различные производственные и хозяйственные помещения.

Археология характеризует замок следующим образом. Владельческое поселение состоит из городища и прилегающего к нему села или группы сел. Сама крепость – совсем небольшая. Некоторые памятники могут иметь площадь от 0,3-0,4 га до 1 га и, редко, несколько больше. Обычна круговая или полукруговая планировка городищ, которая наилучшим образом предназначена для обороны. При малой площади жилищно-хозяйственной зоны замок отличает наличие внушительных оборонительных валов и рвов, нередко имеющих несколько поясов. Раскопками выявляются остатки одного крупного строения (дома владельца-феодала или его наместника), а также жилища их окружения, обеспечивавшего жизнедеятельность замка (воинства, прочих слуг, ремесленников), хозяйственные строения и мастерские.

Феодальные замки (крепости), несмотря на сложную проблему их владельческой атрибуции в каждом случае (княжеские? боярские? сторожевые крепости?), являлись неотъемлемой частью территориальной и военно-политической структуры раннефеодальных княжеств. Почти все они находятся не только в клиньях плодородных земель и прочих продуктивных угодий, но, в первую очередь, на ответственных участках межкняжеских пограничий. Государственное начало в организации этих укрепленных поселений очевидно.

Боярство «домонгольского» времени оставалось более чем тесно «привязанным» к государству и, эксплуатируя те или иные районы,

служило своему сюзеру – князю, выполняло воинские обязанности (вариант вассально-ленных отношений). Очевидно, в иерархии феодального общества иной ситуации и не могло быть.

Замки возникают в конце XI – начале XII в., что говорит об усилении процессов феодализации Руси и организующем начале государства в создании крепостей. Эти крепости диагностируют начало массового оседания княжеских слуг (и, в первую очередь, представителей воинского сословия) на землю. В рассматриваемый период идет процесс превращения княжеского окружения в бояр-землевладельцев, т. е. в «настоящих» феодалов. Верховная власть направляет их на создание военно-оборонительных пунктов в те места, где существовали угрозы. Большинство замков Руси рассматриваемого периода погибает в пожарах ожесточенных военных столкновений русичей с монголами, литвой и крестоносцами в середине – второй половине XIII в., многие иные, возможно, прекратили свое существование по другим внутренним политическим и социально-экономическим причинам.

12.2. Материальная культура замков. Защищенные оборонительными валами и рвами площадки замков Руси застраивались деревянными «хоромами» феодала и жилищами его окружения. Их остатки регулярно открываются в ходе раскопок.

К археологически фиксируемым признакам владельческой усадьбы (замка) исследователи относят выразительные находки дорогого, престижного вооружения и предметов воинского быта (составных элементов мечей и сабель, кольчатых и пластинчатых доспехов, стремян, шпор и пр.). Такие артефакты определенно свидетельствуют о пребывании в замках представителей социальных верхов тогдашнего общества и их вооруженного окружения. Постоянной находкой выступают шпоры, которые по меткому определению российского историка, археолога и оружейоведа А.Н. Кирпичникова, являлись атрибутами феодально-организованного конного воина (подобного рыцарю западноевропейской истории).

Еще одной показательной категорией археологических находок выступают предметы украшения престижного облика. Это – колты, браслеты, гривны и иные ювелирные изделия, связанные с княжеско-боярской традицией. Феодальный быт характеризуют денежные слитки, княжеские подвесные печати, обломки византийских амфор (емкостей для привозного масла и вина), стеклянной посуды, металлические чаши западноевропейского происхождения и пр.

Изучение археологических коллекций владельческих поселений Руси показывает, что в замках в большем, нежели на рядовых сельских поселениях, объеме потреблялось в пищу мясо диких животных. Юридическое право феодала на лесную охоту было обеспечено его

положением владельца угодий и было закреплено «Русской Правдой». Знать Руси охотилась преимущественно на крупных и средних животных – тура, зубра, лося, кабана.

Материальная культура феодального замка имеет многие черты и культуры рядового сельского, и городского поселения Руси. Ее представляют находки гончарной посуды, ножей, гвоздей, веретенных пряслиц, замков, ключей, стеклянных браслетов, бус и пр.

Хозяйство замков носило комплексный характер. Основой экономики владельческих усадеб являлось производство в сельскохозяйственном секторе, что подтверждается регулярными находками орудий обработки почвы, сбора, переработки урожая, находками обожженного зерна злаковых культур. Большую роль играли придомное животноводство, охота и рыболовство.

Замки были и ремесленными центрами. В отличие от городских мастеров, замковые ремесленники работали преимущественно на удовлетворение потребностей именно замковых нужд. Многочисленные находки орудий металлообработки, производственных отходов, заготовок и готовой продукции в культурных напластованиях многих городищ говорят о развитии кузнечного дела, снабжавшего их обитателей орудиями труда и бытовыми предметами. Предположение о развитии ювелирного ремесла в замковых хозяйствах также нашло убедительное подтверждение в материалах археологических раскопок. О том свидетельствуют находки тиглей и льячек, пинцетов, сплесков цветного металла. Феодалы – владельцы замков – явно поощряли развитие ювелирно-литейного дела на своих усадьбах.

12.3. Вищинский замок под Рогачевом. Одним из наиболее полно изученных феодальных замков Руси является Вищинский. Он расположен на правом берегу Днепра возле г. Рогачева Гомельской области. В 1975–85 гг. этот памятник исследовался экспедицией Белорусского государственного университета под руководством Э.М. Загорульского. Вищинское городище существовало с XII по середину XIII в., когда было сожжено, как полагает автор раскопок, объединенным войском литовцев и полочан. Э.М.Загорульский считает, что есть все основания для отождествления остатков замка в Вищине с упомянутой Новгородской Первой летописью смоленской Воищиной (в связи с событиями 1258 г.).

Вищинское городище имело полукруговую планировку, было защищено тремя поясами валов и рвов, его площадь достигала примерно 1 га (сохранившаяся – 0,63 га).

Мощность культурного слоя на городище составляет 0,4–1,5 м, она заметно увеличивается от центра площадки к ее краям. Изучение внутреннего вала замка показало, что над его земляным основанием возвышалась деревянная оборонительная стена из трехстенных срубов.

Они были приставлены друг к другу и сложены из бревен толщиной около 20 см.

В ходе раскопок на площадке городища выявлены остатки сгоревших наземных деревянных построек, преимущественно срубной конструкции. В некоторых из них сохранились остатки дощатых полов и развалы печей. Одна из построек может интерпретироваться в качестве амбара, на ее полу найдено обгоревшее зерно.

«Благодаря» трагическим событиям гибели городища, в слое пожара на его площадке оказалось много разнообразных вещей и прочих остатков, которые отражают быт крупного феодала и его окружения.

Занятия жителей Вищина сельским хозяйством подтверждаются обломками наконечников пашущих орудий (сошников), серпов, находками мотыг и досок жерновов. О развитии животноводства и охоты свидетельствует анализ коллекции костей животных, собранных в процессе раскопок.

Замковое хозяйство предполагало развитие различных промыслов. С рыболовством связана серия таких археологических находок, как глиняные грузила для рыболовецких сетей, металлические гарпун и крючки, рыба чешуя.

Повседневную жизнь населения Вищина характеризуют находки ножей (их обнаружено свыше 100 экз.), ножниц, иглок и шильев. Как и горожанки, жительницы Вищина носили стеклянные браслеты. В ходе раскопок найден 831 обломок таких изделий. Коллекция археологических находок также включает несколько обломков стеклянных перстней, 38 бусин, бокальчиков.

На Вищинском городище велась обработка черного и цветных металлов. О работе с железом его обитателей определенно свидетельствует металлургический шлак, а также находки кузнечного зубила и молота. Местное ювелирно-литейное производство в Вищине убедительно подтверждают материалы археологической коллекции – предметы, составляющие набор специализированных инструментов и приспособлений. К таковым относятся глиняная льячка, заполненная бронзой, матрицы для изготовления подвесок и колтов.

О развитии деревообработки свидетельствуют находки железных топоров, молотка-гвоздодера, долот, сверла.

О развитии прядения и ткачества свидетельствует представительная коллекция веретенных пряслиц (более 70-ти экз.).

Историческая интерпретация Вищинского городища в качестве феодального замка подтверждается обстоятельным набором предметов оборонительного и наступательного вооружения, который представлен деталями меча, фрагментами кольчуги, пластинами доспеха, наконечниками стрел и копий, булавой, кистенем, шпорами и др.

Любопытная находка – глиняная фигурка конного всадника со шлемом и саблей в руке. Что это такое: игрушка или фигурка для игры, например, шахматная? Данный вопрос остается открытым.

Жители Вищинского замка были грамотными (пусть не все, но некоторые). Об этом определенно свидетельствуют находки металлических стилей (писал) и сланцевых (шиферных) пряслиц с буквами кириллического алфавита.

На одном из вищинских пряслиц нанесены буквы И А Б В Г Д, на другом - Л. Следует отметить, что пряслица с буквами и надписями широко известны в городской археологии Руси, но их находки остаются единичными.

Одним из интереснейших открытий Вищинской археологической экспедиции стал уникальный денежно-вещевой клад, зарытый в канун гибели городища и обнаруженный археологами у подножия городищенской стены в 1979 г.

Клад включает десятки ювелирных изделий, относящихся к убору знатной женщины княжеско-боярского круга. В составе набора украшений – ожерелье из бусин с изящными криновидными подвесками, фрагменты серебряного очелья, несколько колтов (выполненных в технике перегородчатой эмали, зерни, скани и черни), витой и пластинчатый браслеты с орнаментальным растительным узором и изображениями птиц, подвески-рясны.

Предметы клада имеют близкие аналогии в других кладах Руси, зарытых во время монгольского нашествия и прочих событий первой половины XIII в. Денежная часть Вищинского клада представлена слитками-гривнами киевского, литовского и новгородского типов.

По мнению Э.М. Загорюльского, Вищинский феодальный замок был тесно связан с историей Смоленского княжества. В ходе раскопок здесь были найдены две вислые свинцовые печати, атрибутированные смоленскому князю Мстиславу Ростиславичу.

Вопросы для самоконтроля

1. Назовите основные признаки отличия феодальных замков от рядовых сельских поселений.
2. Как отличить культуру владельческого замка от культуры города?
3. Назовите основные категории археологических находок, которые характеризуют феодальную усадьбу.
4. На основании каких открытий отечественная историко-археологическая наука относит Вищинское городище к эталонным памятникам категории феодальных замков?

Литература

1. Андрощук, Ф.О. Нормани і слов'яни у Подесенні (моделі культурної взаємодії доби раннього середньовіччя) / Ф.О. Андрощук; гол. ред. Гладких М.І. – Київ, 1999. – 144 с.
2. Антология советской археологии. – Т. 1. 1917–1933. – М.: ИА РАН. 1995. – 170 с.
3. Алексеев, Л.В. Археология и краеведение Беларуси XVI в. – 30-е годы XX в. / Л.В. Алексеев. – Минск: Беларуская навука, 1996. – 206 с.
4. Алексеев, Л.В. Западные земли домонгольской Руси. Очерки истории, археологии, культуры / Л.В. Алексеев. – М.: Наука, 2006. – Кн. I. – 290 с.
5. Археалогія Беларусі: у 4 т. / пад. рэд. П.Ф. Лысенкі. – Мінск: Беларус. навука, 2000. – Т. 3. – 554 с.
6. Археологические памятники России: охрана и мониторинг. Группа археологического мониторинга ИИМК РАН (2001–2010) / Отв. ред. А.В. Субботин. – СПб.: Инфо-ол, 2012. – 176 с.
7. Археология Украинской ССР: в 3 т. / под ред. И.И. Артеменко. – Киев: Наукова думка, 1986. – Т. 3. – 576 с.
8. Богомольников, В.В. Радимичи (по материалам курганов X–XII вв.) / В.В. Богомольников; под ред. О. А. Макушникова. – Гомель: Изд-во ГГУ им. Ф. Скорины, 2004. – 226 с.
9. Булкин, В.А. Археологические памятники Древней Руси IX–XI веков / В.А. Булкин, И.В. Дубов, Г.С. Лебедев; под ред. А.Н. Кирпичникова. – Л.: Изд.-во Ленингр. ун-та, 1978. – 150 с.
10. Ваганова, А.Н. Материальная культура древнерусских феодальных замков / А.Н. Ваганова // Древнерусское государство и славяне: Мат-лы симпоз., посвящ. 1500-летию Киева. – Минск: Наука и техника, 1983. – С. 85-86.
11. Вяргей, В.С. Археалагічная навука ў Беларускай ССР, 1919–1941 гг. / В.С. Вяргей; пад рэд. Я. Г. Шмідта. – Мінск: Навука і тэхніка, 1992. – 144 с.
12. Горюнова, В.М. Городок на Ловати X–XII вв. (К проблеме становления города Северной Руси) / В.М. Горюнова. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2016. – 352 с.
13. Данилова, Л.В. Деревня и город на стадии их первоначального обособления / Л.В. Данилова // Взаимосвязи города и деревни в их историческом развитии. – М.: Наука, 1989. – С. 195-198.
14. Довженок, В.Й. / Про типи городищ Київської Русі / В.Й. Довженок. – Археологія. – 1975. – С. 3-14.
15. Древняя Русь. Город, замок, село / под ред. Б.А. Колчина, А.В. Чернецова. – М.: Наука, 1985. – 432 с.

16. Дубов, И.В. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья / И.В. Дубов. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. – 248 с.
17. Жих, М.И. Радимичи (локализация, происхождение, социально-экономическая история) / М.И. Жих // Исторический формат. – 2017. – № 1-2. – С. 12-63.
18. Завитневич, В.З. Вторая археологическая экскурсия в Припятское Полесье / В.З. Завитневич // Чтения в Историческом обществе Нестора-летописца. – Киев, 1892. – Кн. VI. – С. 11-17.
19. Загарульскі, Э.М. Заходняя Русь: IX–XIII стст.: вучэб. дапам. / Э.М. Загарульскі; БГУ. – Мінск: Універсітэцкае, 1998. – 240 с.
20. Загорульский, Э.М. Возникновение Минска / Э.М. Загорульский. – Минск: Изд.-во БГУ им. В.И.Ленина, 1982. – 358 с.
21. Загорульский, Э.М. Вицинский замок XII–XIII вв. / Э.М. Загорульский. – Минск: БГУ, 2004. – 159 с.
22. Каменецкий, И.С. Археология. История раскопок и историография: лекционный курс по специальности «Музейное дело и охрана памятников культуры» / И.С. Каменецкий. – М., 2006. – 43 с.
23. Каргер, М.К. Древний Киев: Очерки по истории материальной культуры древнерусского города: в 2 т. / М.К. Каргер. – М.; Л.: Изд.-во АН СССР, 1958. – Т. 1. – 579 с.
24. Каханоўскі, Г.А. Археалогія і гістарычнае крэзнаўства Беларусі ў XVI–XIX стст. / Г.А. Каханоўскі; пад рэд. Л.Д. Побалы. – Мінск: Навука і тэхніка, 1984. – 120 с.
25. Коробушкина, Т.Н. Земледелие на территории Белоруссии в X–XIII вв. / Т.Н. Коробушкина; под ред. Э.М. Загорульского. – Минск: Наука и техника, 1979. – 120 с.
26. Кошман, В.І. Паселішчы міжрэчча Бярэзіны і Дняпра ў X–XIII стст. / В.І. Кошман. – Мінск: Беларус. навука, 2008. – 281 с.
27. Куза, А.В. Малые города Древней Руси / А.В. Куза. – М.: Наука, 1989. – 168 с.
28. Кучера, М.П. Поселения Среднего Поднепровья / М.П. Кучера // Древнерусские поселения Среднего Поднепровья (археологическая карта); редкол.: В.Д. Баран (отв. ред.) [и др.]. – Киев: Наукова думка, 1984. – С. 6-27.
29. Лебедев, Г.С. История отечественной археологии. 1700–1917 / Г.С. Лебедев. – СПб.: СПбГУ, 1991. – 456 с.
30. Лебедев, Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе: Ист.-археологич. очерки / Г.С. Лебедев. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1995. – 461 с.
31. Левко, О.Н. Витебск / О.Н. Левко; под ред. А.А. Кавалени (гл. ред.) [и др.]. – Минск: Беларус. навука, 2010. – 335 с.
32. Лысенко, П.Ф. Города Туровской земли / П.Ф. Лысенко; под ред. В. В. Седова. – Минск: Наука и техника, 1974. – 199 с.

33. Лысенко, П.Ф. Берестье / П.Ф. Лысенко; под ред. В.В. Седова. – Минск: Наука и техника, 1985. – 400 с.
34. Лысенко, П.Ф. Дреговичи / П.Ф. Лысенко; под ред. В.В. Седова. – Минск: Наука и техника, 1991. – 244 с.
35. Макаров, Н.А. Археология в современной России / Н.А. Макаров, Л.А. Беляев, А.В. Энговатова // Российская археология. – 2015. – № 2. – С. 5-15.
36. Макушников, О.А. В поисках древнего Гомия / О.А. Макушников. – Гомель: Бел. Агентство научно-технич. и деловой информации, 1994. – 65 с.
37. Макушников, О.А. Гомель с древнейших времен до конца XVIII века. Историко-краеведческий очерк / О.А. Макушников. – Гомель: РУП «Центр научно-технической и деловой информации», 2002. – 244 с.
38. Макушников, О. Между Гнездово и Киевом: Моховский археологический комплекс X–XI вв. на юго-востоке Беларуси / О. Макушников // Гістарычна-археалагічны зборнік. Навук. выд. / ІГ НАН Беларусі. – Мінск, 2006. – Вып. 22. – С. 130–138.
39. Макушников, О.А. Гомельское Поднепровье в V – середине XIII вв.: Социально-экономическое и этнокультурное развитие / О.А. Макушников. – Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2009. – 218 с.
40. Мезенцева, Г.Г. Дослідники археології України: Енциклопедичний словник-довідник / Г.Г. Мезенцева. – Чернігів: Сіверянська думка, 1997. – 206 с.
41. Міста Давньої Русі / Наук. Ред. П.П. Толочко. – Київ: Стародавній світ, 2014. – 532 с.
42. Михайлов, К.А. Элитарный погребальный обряд Древней Руси: камерные погребения IX – начала XI века в контексте североевропейских аналогий / отв. ред. Е. Н. Носов, Н. И. Платонова. – СПб.: Издательский дом «Бранко», 2016. – 272 с.
43. Моця, О.П. Населення Південно-руських земель IX–XIII ст. (за матеріалами некрополів) / О.П. Моця; під ред. М.П. Кучері. – Київ: ІА АН України, 1993. – 160 с.
44. Моця, О. Давньоруський Чергнігів / О. Моця, А. Казаков; наук. ред. Г.Ю. Івакін. – Київ: Староданій Світ, 2011. – 316 с.
45. Мусин, А.Е. Христианизация Новгородской земли в IX–XIV веках. Погребальный обряд и христианские древности / А.Е. Мусин; под ред. А.Н. Кирпичникова. – СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 2002. – 272 с.
46. Никольская, Т.Н. Земля вятичей: к истории населения бассейна верхней и средней Оки в IX–XIII вв. / Т.Н. Никольская; под ред. В.В. Седова. – М.: Наука, 1981. – 296 с.

47. Новгород и Новгородская земля. Искусство и реставрация. Материалы VII научно-практической конференции, 27-29 сентября 2016 г. – Вып. 7. – Великий Новгород, 2017. – 336 с.
48. Новое в археологии Киева / Редкол.: П.П. Толочко [и др.]. – Киев: Наукова думка, 1981. – 455 с.
49. Петрухин, В.Я. Русь в IX–X веках. От призвания варягов до выбора веры / В.Я. Петрухин. – М.: Форум, 2014. – 464 с.
50. Платонова, Н.И. История археологической мысли в России. Вторая половина XIX – первая треть XX века / Н.И. Платонова. – СПб.: Нестор-История, 2010. – 316 с.
51. Раппопорт, П. А. О типологии древнерусских поселений / П.А. Раппопорт // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях ИА АН СССР. – 1967. – Вып. 110. – С. 3-9.
52. Раппопорт, П.А. Зодчество Древней Руси / П.А. Раппопорт. – Л.: Наука, Ленингр. отд., 1986. – 159 с.
53. Риер, Я.Г. Аграрный мир Восточной и Центральной Европы в средние века (по археологическим данным) / Я.Г. Риер. – Могилев: МГУ им. А.А. Кулешова, 2000. – 264 с.
54. Рыбаков, Б.А. Ремесло Древней Руси / Б.А. Рыбаков. – М.: Госиздат, 1948. – 792 с.
55. Седов, В.В. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (VIII–XV вв.) / В.В. Седов // Материалы и исследования по археологии СССР. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – Вып. 92. – 158 с.
56. Седов, В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв. Археология СССР / В.В. Седов // М.: Наука, 1982. – 328 с.
57. Семянчук Г. Генезіс беларускіх гарадоў у раннім сярэднявеччы (IX–XIII стст.) / Г. Семянчук // Гістарыяграфія і крыніцы па гісторыі гарадоў і працэсаў урбанізацыі ў Беларусі. Зб. навук. артыкулаў. – Гродна: ГрДУ, 2009. – С. 10-22.
58. Спицын, А.А. Расселение древнерусских племен по археологическим данным / А.А. Спицын // Журнал Министерства народного просвещения. – 1899. – Август. – Т. 8. – С. 301-340.
59. Тимощук, Б.А. Восточнославянская община VI–X вв. н. э. / Б.А. Тимощук. – М.: Наука, 1990. – 184 с.
60. Тихомиров, М.Н. Древнерусские города / М.Н. Тихомиров. – М.: Госполитиздат, 1956. – 447 с.
61. Ткачев, М.А. Работы в Белорусском Посожье / М.А. Ткачев // Археологические открытия 1975 года. – М.: Наука, 1976. – С. 427-428.
62. Толочко, П.П. Киев и Киевская земля в эпоху феодальной раздробленности XII–XIII веков / П.П. Толочко. – Киев: Наукова думка, 1980. – 224 с.
63. Толочко, П.П. Древнерусский феодальный город / П.П. Толочко; под ред. С.А. Высоцкого. – Киев: Наукова думка, 1989. – 256 с.

64. Успенская, А.В. Курганы Южной Белоруссии X–XIII вв. / А.В. Успенская // Труды Государственного исторического музея. – М.: Госкультпросветиздат, 1953. – Вып. 22. – С. 97-124.
65. Фехнер, М.В. К вопросу об экомических связях древнерусской деревни / М.В. Фехнер // Труды Государственно исторического музея. – М.: Советская Россия, 1959. – Вып. 33. – С. 149-224.
66. Финно-угры и балты в эпоху средневековья / под ред. Б.А. Рыбакова. – М.: Наука, 1987. – 512 с.
67. Формозов, А.А. Очерки по истории русской археологии / А.А. Формозов. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – 128 с.
68. Фроянов, И.Я. Города-государства Древней Руси / И.Я. Фроянов, А.Ю. Дворниченко. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1988. – 269 с.
69. Шинаков, Е.А. От пращи до скрамасакса: На пути к державе Рюриковичей / Е.А. Шинаков. – Брянск: Изд-во Брянского гос. университета, 1995. – 274 с.
70. Штыхаў, Г.В. Крывічы: Па матэрыялах раскопак курганоў у Паўночнай Беларусі / Г.В. Штыхаў; пад рэд. М.А. Ткачова. – Мінск: Навука і тэхніка, 1992. – 191 с.
71. Штыхов, Г.В. Поднепровские и Посожские города Восточной Белоруссии / Г.В. Штыхов // Очерки по археологии Белоруссии: в 2 ч. / редкол.: Г.В. Штыхов, Л.Д. Поболь. – Минск: Наука и техника, 1972. – Ч. II. – С. 125–133.
72. Штыхов, Г.В. Древний Полоцк (IX–XIII вв.) / Г.В. Штыхов; под ред. А. Г. Митрофанова. – Минск: Наука и техника, 1975. – 136 с.
73. Штыхов, Г.В. Города Полоцкой земли (IX–XIII вв.) / Г.В. Штыхов; под ред. В. П. Даркевича. – Минск: Наука и техника, 1978. – 160 с.
74. Янин, В.Л. Я послал тебе бересту... / В.Л. Янин. – М.: Изд-во МГУ, 1975. – 238 с.